

Знамение пути

Автор:

Мария Семёнова

Знамение пути

Мария Васильевна Семёнова

Волкодав #3

Роман «Волкодав», впервые напечатанный в 1995 году и завоевавший любовь миллионов читателей, – бесспорно, одна из лучших приключенческих книг в современной российской литературе. Вслед за первой книгой были опубликованы «Волкодав. Право на поединок» и «Волкодав. Истовик-камень». «Волкодав. Знамение пути» продолжает историю последнего воина из рода Серого Пса.

Все чаще Волкодав будет терзаться вопросом о своем земном предназначении. Ради какого свершения судьба хранила его во тьме подземных рудников, выводила живым из смертельных поединков, оберегала в ледяной пустыне и среди языков беспощадного пламени? Лишь в назначенный срок предначертанное откроется ему... Но прежде Волкодава ждет смертельный поединок с кровным врагом, отважным и достойным воином, человеком, которого в другой жизни он предпочел бы считать другом. С сыном Людоеда – прославленным кунсом Винитаром.

Мария Семенова

Волкодав. Знамение пути

Автор сердечно благодарит

Владимира Тагировича Тагирова,

Павла Вячеславовича Молитвина,

Ирину Сергеевну Костину,

Александра Сергеевича Расовского,

Адель Левтовну Геворкян,

Наталью Васильевну Герасименко,

Игоря Александровича Сухачёва,

Александра Григорьевича Таненя,

Наталью Александровну Ожигову,

Сергея Александровича Романюгу,

Рамиля Равильевича Бикинеева,

Олега Николаевича Мелентьева,

Леона Леоновича Абрамова —

за ценнейшую информацию и советы,

Хокана Норелиуса (Швеция)

и Дмитрия Олеговича Фурманского —

за компьютерную поддержку,

а также

Издательство «Азбука» —

за понимание и терпение

в сложной жизненной ситуации.

В низкое небо смотрят глазницы

Улиц пустых и гулких дворов.

Медленный вихрь листает страницы

Воспоминаний, мыслей и слов.

Не передвинешь - названы сроки,

И не возьмёшь с собой за порог

Писем забытых жёлтые строки

В траурных лентах старых дорог.

Холодно что-то стало на свете...

Всё обретает истинный вид:

Милой улыбки нет на портрете —

Злая усмешка губы кривит.

А ведь когда-то - дальше от края —

Думал, что вечно будешь любим...

Саваном пыли след замечает

Времени ветер – неумолим.

1. Ожидание

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Неживой блеск ночного светила превратил тёплую медь сосен в травленный булат старинных клинков. Было тихо, только чуть слышно лепетал вдалеке речной пережат. Это Звор, младший сын великой Светыни, спешил к матери и точил на своём пути землю, обнажая древние валуны.

Крылатая тень пронеслась между землёй и луной. Беззвучный силуэт скользнул по ветвям, по нежной лесной траве... по спине большого серого зверя, бежавшего через лес. Зверь был похож на волка и состоял с ним в тесном родстве, что, впрочем, не мешало двум родственникам люто ненавидеть друг друга. Через лес бежал матёрый кобель знаменитой веннской породы. Молчаливый, широкогрудый, поджарый – и сущая погибель, когда доходило до когтей и клыков.

Сосновые леса раскинулись по холмам, и из распадка в распадок тянулась натоптанная тропа, по которой жители ближнего селения ходили в гости к соседям. Она вилась всё больше низинами. Кто полезет на крутой каменистый холм, если можно его обойти?

Пёс бежал когда по тропинке, когда напрямик, через черничник и вереск. Это не были его родные места, но он бежал очень уверенно, потому что знал, куда лежал его путь. Серебристый мех блестел и искрился в свете луны. А на шее у пса приминал пышную гриву широкий ошейник. Знак, которым люди издавна метят своих зверей, отделяя их от дикого мира. Ничего особенного этот ошейник собою не представлял. Не был он свит из золочёных шнуров, не был украшен резными серебряными пластинками. Простая потрёпанная кожа в два слоя, соединённая дратвой. В разное время прошлись по ней чьи-то когти и зубы, виднелся даже глубокий след от ножа...

Только поигрывала в прозрачном луче большая хрустальная бусина, намертво вделанная в тяжёлый ремень.

На макушке одного холма пёс остановился. Потом сел.

Южный склон этого холма когда-то давно, много людских поколений назад, размок от непрерывных дождей и сполз вниз весь целиком, обнажив каменную скалу. Подобных скал по окрестным местам известно было немало, но этот каменный лик превосходил все прочие. Он нависал с севера над небольшой долиной между холмами, прикрывая её от колючих ветров. Внизу, у гранитного подножия, протекал Белый ручей – сын могучего Звора, шустрый внучек Светыни. В какой-нибудь другой стране, менее взысканной[1 - Взысканной, взыскивать – здесь: оказывать высшую степень милости и расположения (либо гнева).] от Богов реками и озёрами, Белый сошёл бы за средних размеров речушку. Здесь, однако, изобильный и глубокий поток десяти шагов в ширину считался ручьём.

Весной на холмах таяли снежные сугробы высотой взрослому мужчине по шею. Талая вода текла вниз, и ручей разливался. Поднимался он достаточно высоко – избы стояли на почтительном удалении от бережка, там, где присутствие печного огня уже не могло оскорбить живущего в ручье Водяного. Возле самой воды стояла одна только кузница, да и то – на пригорке, над особо устроенной запрудой. Всем известно, что у кузнеца с Водяным свой завет.

Другой, и не менее чтимый, завет требует устраивать кузницу опричь людского жилья. Это оттого, что кузнец творит Тайну и беседует с Небом, а всякое дело, требующее высокого сосредоточения духа, лучше совершается в уединении. Что ж, в деревне, где жили венны из рода Пятнистых Оленей, кузница была поставлена честно. Человек злоязычный сказал бы, пожалуй, – могли выстроить и подальше. Этак у болота за лесом. Человек доброжелательный указал бы злоречивому на ручей: кузня всё-таки стояла на другой стороне. То есть, как от прадедов повелось, – почти в другом мире, ведь все знают, что реками изначально отделены друг от друга миры.

А человек приметливый тотчас рассудил бы, что и постройка, и запруда при ней выглядели совсем новенькими, свежими. Стояли они на своём месте всего, может быть, год. Весну, лето, осень, многоснежную зиму – и ещё половину весны.

И тот, кто строил, а теперь работал внутри, очень хотел понравиться Пятнистым Оленям. Как это и следует жениху, явившемуся по веннскому обычаю просить бус у невесты.

Несмотря на позднее время, над крышей кузницы вился дымок. Изнутри раздавался стук молотка, и тонкий нюх пса улавливал запахи огня и железа.

Ночью купец не смеет ни продавать, ни покупать, ночью не выносит приговоров судья. Их дела обязаны совершаться лишь днём, под присмотром справедливого Ока Богов. Кузнец выше купца и выше судьи. Когда бы он ни трудился у наковальни – всё благо...

Пёс неподвижно сидел на краю каменного откоса и смотрел на деревню. Из лесу чёрной бесформенной молнией выпорхнула большая летучая мышь. Такие, с голубя, водились много южнее, а в здешних лесах – нет. Тутешние сородичи были слабее и мельче, драться и играть с ними оказалось неинтересно. Ночной летун коснулся крылом пёсских ушей, молча облетел сидевшего зверя и устроился на ветке сосны у него над головой. Ярко светила луна, и было видно, что чёрная шерсть на грудке и загривке Мыша не просто отливала воронным металлическим блеском, а ещё и серебрилась – красиво и густо. Пещерные мыши из Самоцветных гор живут долго. Уж во всяком случае куда дольше каторжников, которые работают там в рудниках. Крылатому охотнику ещё далеко было до дряхлости. Его клыки даже не начали стачиваться, как бывает у стариков. Новое украшение лишь означало мужественную зрелость.

Пёс не двигался и смотрел на деревню.

Крыши в домах были низко нахлобученные, земляные, заросшие травой и цветами. Только возле охлупней рдели, светились отверстия дымогонов.

В одной избе отворилась дверь. Пёс вздрогнул, подался вперёд, пушистый хвост в траве неуверенно дёрнулся... В светлом прямоугольнике входа возник девичий силуэт. Девушка шагнула наружу, и дверь за спиной бухнула. Тихий ночной воздух легко разносил звуки. Девушка, нынче встречавшая свою семнадцатую весну, прошла у стены долгого общинного дома и отправилась по тропинке к ручью. В руке она держала корзинку, накрытую полотенцем. Она несла ужин кузнецу, припозднившемуся с работой.

Пёс на краю обрыва лёг и опустил голову на передние лапы. Вдохнул...

Почти одновременно с девушкой из леса по ту сторону ручья вышли олени. Рогатый вожак с подругами и потомством. Здешние олени испокон веку жили с людьми в доверии и любви. Точно так же веннам из рода Синицы желтогрудые птахи садились безбоязненно на ладонь, а детей рода Гадюки никогда не кусали ядовитые змеи – даже когда ребяташки по недомыслию хватали их за хвосты.

Девушка перешла ручей по камням, заботливо уложенным в русло, – большим, плоским, шершавым: чтобы не сорвалась с мокрого, не соскользнула нога. Олени, конечно, давно заметили и узнали её. Они знали всех живших в деревне. Жившие в деревне были друзья. И даже более, чем друзья. Кровные родственники. Насчёт кровного родства зверя не обманешь, он за версту чует, где оно настоящее, а где нет. Много лет и зим, много поколений назад, будущая Праматерь людского племени спасалась от небывалого наводнения, затопившего лес. И плохо бы ей пришлось, ибо она поранила ногу и не могла быстро бежать, – но отколь ни возмись налетел красавец Олень, принял женщину на свою могучую спину, в полную скачь унёс от беды. А когда всё миновало – как водится, ударился оземь и обернулся молодым статным мужчиной... С того пошёл род. Люди помнили об этом. И олени помнили.

Пёс видел, как две юные важенки отделились от стада и первыми побежали навстречу – радостно, без робости, без боязни. Они встретили свою человеческую сестрёнку возле переправы. Девушка в длинной веннской рубаше и красно-синей с белой ниткой понёве соступила с последнего камня на берег. Слуха пса достиг её смех. Оленухи щекотали носами её руки, гладившие любопытные мордочки. Поздоровавшись, лесные девчонки потянулись к корзине. Старые, величавые самки и важный вожак немедленно заметили это и, позабыв гордиться, дружно прибавили шаг.

Родне в пятнистых меховых шубках досталось по доброму ломтю подсолённого хлеба. Пёс смотрел с холма на лакомившихся оленей и знал, что хлеб, оставленный в корзине для ужина, был вынут совсем из другой печи. Не из той, что пекла хлеб для оленей и их родичей-веннов. Это потому, что молодой кузнец, звонко бивший молотом по наковальне, был не родственником, а гостем. Да таким, что угощать его за своим столом, принимая в родню, было никак невозможно.

Венны чтити старинный закон: тех не берут в мужья, с кем вместе едят. А коли уж парень из рода Щегла пришёл сюда, вознамерившись стать женихом... Женихом славницы-Оленюшки...

Пёс смотрел с обрыва на кузницу, изредка моргая.

Его насторожённых ушей достигали далёкие отзвуки двух человеческих голосов. Слов разобрать он не мог, но в этом не было необходимости. Парень с девушкой дружески болтали, смеялись чему-то...

Мыш слетел с ветки и сел на камень рядом с головой пса. Тот покосился на него и вновь стал смотреть.

Ему не требовалось бежать вниз и слушать возле двери. Он и так знал, что происходило в кузнице. Своими глазами много раз видел... в другом месте, в другом времени... в другой жизни.

Там, внутри, на опрятно обмахнутом верстаке разложено браное[2 - Браное - вытканное по старинному способу, с рельефными узорами, образованными переплетением нитей.] полотенце, а на нём стоит глиняная миса с чисто облизанной ложкой. Пришедшего в женихи - да притом ещё кузнеца - кормят на славу, так, что он капельки недоеденной не оставит, уберёт в рот даже сверх сыта. И хлеба на полотенце не покинет ни крошки. Грех это, хлеб крошить и крошки бросать. Не можно такого содеять юному жениху. Выгонят. И от срама до старости не отмоешься.

А парень с девкой сидят на лавке возле стены, и горит перед ними светец, и шипят угольки, падая в корытце с водой. Светец, может, тот самый, что паренёк сегодня dokonчил. Со славно оттянутым, заострённым нижним концом и расщепами, куда вставляют лучину. Люди, слепые на красоту, для этого просто надрубают металл: держит щепку - и ладно! Но молодой кузнец, конечно, постарался на совесть. Лучина у него покоится между живыми цветочными лепестками, в загнутых лапках тычинок. И цветок не абы какой, а в точности тот, что возле кузницы, перед порогом расцвёл. Расцвёл и Оленюшке понравился. То-то каждый листочек подпилком тщательно выведен. И, чего доброго, ещё бабочка сверху присела, сладкий сок пробует...

Был такой светец в иной жизни, в ином месте и времени. Далеко отсюда, давно...

Девушка любуется славным светцом, а парень любуется девушкой. И беда ли ему, что будущую невесту не назовёшь стройной на диво, и губы у неё не вишнёвые, а самые обыкновенные, и коса не такая роскошная, как у иных. Гнался бы за великой красой – стояла бы его кузница ныне где-нибудь в другом месте. В другом роду. Ан ведь нет. Здесь выстроена.

Вежливый парень не ловит мозолистыми пятернями девичьих рук, не пытается припасть устами к устам. Может, сердце ретивое в нём так и пылает, так и зовёт – ну да что с того? Он сидит чинно, мечтая про себя, чтобы вдруг рухнула в кузне крепкая крыша, рассыпались ладные стены... дали случай подхватить Оленюшку, прижать к широкой груди, на руках спасти от беды! Но не рушится кров, не падают стены. И, собравшись с духом, кузнец показывает девушке красный ожог на запястье. Оленюшка тоже не вчера родилась, видывала виды похуже. Что такое ожог с ноготь величиной? На запястье, которое шире её обоих, сложенных вместе?.. Но отчего-то девушка ахает, берёт-таки его руку, склоняется посмотреть. Заботливо спрашивает, кропил ли он больное место простоквашей. Кропил, отвечает парень. Только не простоквашей. И оба хохочут.

Потом дверь кузни снова открылась, и они появились наружу. Пёс видел: вот подошли к переправе и парень взял девушку за руку. Это правильно. Мало ли что она снуёт туда и сюда по сто раз на дню и не оскальзывается! Без него – пусть. С ним – только так, так надёжней.

Молодой кузнец проводил Оленюшку до крыльца матушкиной избы. Сам пошёл к общинному дому, где всегда селят гостей. Девушка стояла на крыльце, смутно белея в лунной тени. Когда парень исчез в доме, она не сразу ушла. Ещё постояла, глядя за ручей, на пасущихся оленей... Пёс на холме шевельнулся и встал. Скроется Оленюшка – уходить и ему.

Она вправду вроде протянула руку к двери... И вдруг обернулась. И посмотрела прямо на холм, на обрывистый каменный лик, на его срезанную вершину.

И хрустальная бусина, вшитая в пёсий ошейник, нечаянно бросила ей в зрачки лунный луч, отражённый чистыми гранями. Длилось это мгновение.

* * *

Водные потоки действительно разделяют миры. Не всегда, конечно. За ручьём – курице перелететь – совсем не обязательно начинается иной мир. Но любой замечал, что на ТОЙ стороне и деревья лесные кажутся чуть-чуть не такими, чем ЗДЕСЬ. И птицы, и звери. Не говоря уж о людях, которые там живут. Не обязательно другой мир. Просто – чуть-чуть, а ДРУГОЕ...

Пёс долго бежал вдоль ручья, ища нужное место. И примерно через версту достиг падуна: вода слитной толщей лилась через каменный край и падала с высоты в три человеческих роста, дробясь о камни внизу. Оттуда, снизу, слышался спокойный глухой гул и всплывали клочья тумана. Сюда люди из рода Пятнистых Оленей ходили ловить таймень с чешуйчатыми боками, сияющими радугой водопадов. Здесь пёс повернулся к ручью и с разбегу махнул через бегущий поток. Прямо сквозь туман, клубившийся над водой. Мыш догнал его и на лету вцепился в густую шерсть на загривке.

Если бы кто нашёл следы пса у деревни и надумал скуки ради их попытать, он добрался бы только до этого места. След вёл вначале отсюда на тот обрывистый холм и после обратно, замыкаясь в кольцо. И всё. Больше нигде никаких метин. В том числе и на другом берегу.

Далеко-далеко, по ту сторону широкого моря, в это время шёл дождь. Солнце, закатившееся над страной веннов, там только начало клониться на запад. Время было ещё дневное, но Око Богов отграничивали от земли такие тяжёлые и плотные тучи, что казалось – уже наступил вечер, вот-вот сомкнёт покров темнота.

Вместо холмов и лесного ручья здесь были каменные горы, начинавшиеся прямо из волн. Они поднимались над поверхностью сперва малыми островками. Голыми скальными костями, обглоданными ветром и морем. Волны закипали у их подножий и легко перекачивались через макушки. Ближе к матёрому берегу островки делались выше и одевались в свежую зелень. Потом выходили на сушу и становились отрогами горного хребта. В мокром сумраке не разглядеть было вершин. Тучи просто упирались в горные кручи и висели на месте, изливаясь дождём. На высоких перевалах царил холод, там вместо дождя сыпался густой

снег. Прояснится небо – и горы снова предстанут в белых плащах. Такая уж здесь бывает весна.

Берег восставал из моря десятисаженным обрывом. Ветра особого не было, но у подножия скал тяжело и грозно ревел накат. Где-то далеко бушевал шторм, раскинувший косматые крылья от Тар-Айвана до Аланиола. Отголоски, докатывавшиеся до западных берегов океана, вселяли трепет. Чёрные громады одна за другой надвигались на берег и с громом и грохотом превращались в облака брызг. Брызги плотной стеной взвивались над утёсистой кручей, и ветер уносил их в глубь страны, перемешивая с дождём...

За грядой островов матёрый берег отступал, выгибаясь исполинской подковой. Там рвались на ветру огни четырёх маяков, питаемые земляным маслом и не боящиеся дождя. Маяки указывали кораблям путь в гавань. Летящая мгла почти не давала разглядеть город, только сторожевые башни угадывались вдалеке. Город носил звучное и красивое имя: Тин-Вилена. Младшая Сестра, как ещё называли.

На оконечных скалах мыса было безлюдно. Сюда и при ярком-то солнце мало кто забредал, тем более ныне – кто в своём уме будет зря терпеть холодную сырость, легко проникающую сквозь кожаный плащ, сквозь стёганую телогрейку?.. Оттого некому было заметить, как в некоторый миг через кромку утёса взвились особенно плотные клочья пены и брызг... Когда же ветер утащил их прочь и развеял – стало видно, что прочь от моря бежал большой серый пёс. И у него на загривке, зябко и недовольно нахохлившись, сидела летучая мышь.

А глаза у пса были такие, каких у собак не бывает. Серо-зелёные. Человеческие.

* * *

Когда этот человек приходил в Тин-Вилену и появлялся в «Белом Конне», вышибала при входе кланялся ему в пояс, а корчмарь Айр-Донн каждый раз пытался отказываться от денег за еду и питьё:

– У меня и так весь твой заработок лежит, Волкодав. Я его в оборот пускаю и богатею с того. И ещё ты мне за что-то будешь платить?

Человек по имени Волкодав только усмехался. Молча оставлял деньги и уходил. Айр-Донн возмущался, воздевал руки и сквернословил, поминая божественные копыта Трёхрогого. Он был из восточных вельхов и на заморской чужбине хранил обычаи родины со всем упорством и рвением, которыми славится его племя. Одна беда – нашла коса на камень. Волкодав тоже родился за морем. И добро бы в каком праведном месте, населённом покладистым и тихим народом, а то – в диких веннских лесах. Сиречь упрямец уже вовсе непроходимый. Хуже всякого вельха.

В этот дождливый, бессолнечный день корчма Айр-Донна наполнилась раньше обычного. Скверная погода поневоле загоняет под крышу, и в особенности – к тёплому очагу, к доброй выпивке и еде. Тем и другим «Белый Конь» был в городе славен. Сюда охотно шли горожане, сюда шумно вваливались мореходы, отвыкшие в долгом переходе от свежих человеческих лиц. Особенно – женских.

– Пива, красавица! И не этой аррантской бурды, которую зачем только из-за моря везут! Местного подавай!..

– И курочек пару! Да побольше соуса, соуса!..

– А сама к нам, красавица, не присядешь? Некогда тебе? Ну, беги...

Служаночки в самом деле бегали, как настёганные. Складывали в поясные кармашки позвякивающие монетки. Стряпухи на кухне угорело метались от жаровни и сковородок к земляной печи и от неё к пузатой коптильне.

Все мы, братишка, кто поздно, кто рано,

Сгинем в холодных волнах океана.

В кои-то веки добравшись на сушу,

Как тут в трактире не выплеснуть душу?

Ну-ка, подруга, пивка на полушку,

Да пощедрее наполни нам кружку!

Пусть оно в глотки потоком прольётся —

Выпьем за тех, кто уже не вернётся.

Выпьем за пахарей сумрачной пашни,

Кто разворачивал парус бесстрашно,

Кто навсегда у подводного Бога

Загостевал в Его мокрых чертогах.

Поздно ли, рано ли – все под волнами

В круг соберёмся за теми столами...

Волкодав появлялся всегда поздно. Но, как бы ни была набита корчма, у Айр-Донна для него непременно находилось местечко. И мисочка свежей сметаны. Тот её очень любил, а вельх чуть не единственный в Тин-Вилене умел готовить это чужеземное лакомство.

Сегодня венна почему-то всё не было видно, и корчмарь косился на дверь. Он знал: служба у Волкодава была такая, что не позавидуешь. Жрецы Богов-Близнецов шуток не шутят.

Вышибалой у Айр-Донна стоял крепкий темноволосый нарлак. В кожаных штанах и, как полагалось молодому мужчине его племени, при кожаной безрукавке. Несмотря на промозглый вечер – на голое тело, чтобы всякий мог оценить и презрение к холоду, и красивые точёные мышцы. Страна нарлаков тоже лежала очень далеко. Но такова была Тин-Вилена: населяли её почти сплошь выходцы из-за моря. И недавно приехавшие, и родившиеся уже здесь.

И песня, которую они пели, тоже приплыла сюда по солёным волнам, на корабле отчаянного купца. Завезли её, кажется, из сольвенских земель, из стольного Галирада, где слагал знаменитые стихи одноглазый поэт Декша Белоголовый. Впрочем, Айр-Донн не стал бы ручаться, поскольку точно не знал.

* * *

Другой край шторма висел над морем много севернее и восточнее Тин-Вилены, там, где на несколько дней пути вокруг не было населённой земли. Тучи здесь медленно закручивались рваными тяжёлыми полосами, а между ними сияла неистовая холодная голубизна и щедро лилось бледное золото солнца. В южной

стороне горизонта тучи смыкались, и небо обнимала непогожая тьма. Оттуда шли высокие волны. Попадая на солнце, они искрились глыбами зоркого[З - Зоркого, зоркий – ясный, прозрачный.] зеленоватого хрустала. Хмурый небоскат дарил им сумрачные свинцовые блики и сообщал пенным шапкам особую нестерпимую белизну. Ближе к границе моря и неба, куда не достигал солнечный свет, валы становились вереницами серых привидений, шествовавших из ниоткуда в никуда.

Ни морщинки, ни складки не было на ярком бело-синем клетчатом парусе, растянутом вдоль корабля, – тот шёл в-треть-ветра, направляемый опытной и отважной рукой. Очередная волна ударила «косатке» в ясеневую скулу, и корабль встрепенулся до кончика мачты – упруго и весело, точно бодрый конь, в охотку одолевающий подъём. Нос, увенчанный резной головой чудища, высоко вырвался из воды, потом рухнул обратно, и над бортом взвилась прозрачная стена. Ещё миг – и, дробясь на лету, вода хлестнула по палубе. Семьдесят молодых мужских глоток отозвались смехом и руганью, кто-то на всякий случай прижал сапогом край кожаного полога, прятавшего трюмный лаз.

Там, в трюме, горел маленький очажок, устроенный особым образом, так, чтобы и штормовых волн не бояться, и не вызвать пожара на корабле. Людям, проводящим вдали от берега много дней подряд, нужно тепло, нужна горячая пища. Островные сегваны, поколениями ходившие в море, на корабле себя чувствовали едва ли не уверенней, чем на твёрдой земле. Впереди грозил шторм, под килем корабля до дна морского простирались, может быть, вёрсты, – а у них булькал себе над огнём закопчённый котёл и, как ни качайся корабль, – не плеснёт, не перевернётся.

Возле котла хлопотал немолодой воин с кудрявыми седеющими волосами, по обычаю Островов связанными в длинный хвост на затылке. Котёл булькал, распространяя густой запах мёда и пряностей. Пожилой сегван мешал варево длинной деревянной ложкой, держа её в левой руке. Правая у него отсутствовала по локоть и годилась только на то, чтобы прижимать к боку большую оплетённую бутылку, пока левая вытаскивает из неё пробку.

Едва калека извлёк эту бутылку из устланной соломой корзины, как под полог всунулись сразу три головы:

– Давай мы раскупорим, Аптахар. Тебе же с одной рукой, поди, неудобно...

– Я вас!.. – рявкнул названный Аптахаром и замахнулся на лукавцев ложкой, отчего те с хохотом убрались. – Лакомки... – проворчал он, справляясь с туго заколоченной пробкой. К запахам из котла тотчас добавилось крепкое хмельное благоухание. Понятно, доверять молодцам открывание столь драгоценной бутылки было никак невозможно. Вернули бы, Хёгг их проглоти, одни слёзы на доньшке.

Спиной ощущая жадные взгляды, Аптахар отмерил жидкость из бутылки пузатой кожаной кружкой. Вылил в котёл, размешал, дал слегка покипеть. Зачерпнул, поднёс ко рту...

Сзади тоскливо и протяжно вздохнули.

Аптахар свирепо покосился через плечо, вновь наполнил кружку до половины и опорожнил в котёл. Ещё раз попробовал... На сей раз вкус удовлетворил его. Он заткнул и спрятал бутылку, черпнул из котла – и, бережно держа кружку перед собой, выбрался на палубу из трюма. Прикрыл полый плаща и отправился на корму. Брызги из-за борта летели, как стрелы.

Человек сухопутный уж точно не донёс бы в целости кружку, полную почти до краёв, а скорее всего – и вовсе не устоял на ногах. Разве что схватился бы за снасти, за скамьи, за плечи сидевших... Однорукому Аптахару подмоги не требовалось. Шёл, как другие люди по земляному полу хором. Да он, правду молвить, в тех хоромах скорей споткнулся бы.

– Давай сюда кружку, мы уж передадим!.. – подначивали его.

– Я вам, бесстыжим, дерьма мешок нести не доверю! – отвечал старый воин.

Человек, что сидел на высоком кормовом сиденье, держа в руках правило, с дружеской усмешкой следил за приближавшимся Аптахаром. У него самого волосы горели на солнце тем светлым золотом, каким справедливые Боги очень редко одаривают даже сегванов, перебравшихся с Островов на Берег, – не говоря уже об иных племенах, обитающих в глубине суши. То есть рыжие и белобрысые, конечно, всюду встречаются, но таких, словно зимний утренний луч на чистом снегу, – замучаешься искать. Добравшись, Аптахар протянул вождю свой напиток:

– Отведай, кунс.

Кунс отведал. Всего один глоток. Согласно кивнул – и вернул кружку. Глаза у него тоже были, какие встречаются только у тех, кто поколениями живёт среди морской синевы. Цвета океана, нежащегося под солнцем, но способного всколыхнуться грозовой непогодой. Рука в плотной кожаной рукавице спокойно и чутко держала правило бегущего корабля. Ни лишнего напряжения, ни суеты. Аптахар вернулся к котлу и, нагнувшись, подтащил поближе большой кожаный короб. Стал одну за другой вынимать из него чашки и наполненными передавать в протянутые сверху руки. Сперва – для тех, кто сидел на носу корабля и принимал всего более оплеух и мокрых затрещин от налетающих волн. Потом – для тех, кто помещался посередине и на корме. Чашки, которые старый воин ловко извлекал из короба, были сами по себе замечательные. Не кожаные, не глиняные, не медные, даже не деревянные. Добрый мастер сработал их из льдисто-прозрачного, чуть тронутого зеленью стекла. Они чудесно сохраняли тепло и (многожды проверено!) не разбивались, падая на твёрдую палубу и даже на камень. Но самой удивительной выдумкой стеклоvara было то, что чашки туго вкладывались одна в другую, занимая таким образом очень мало места, которого вечно не хватает на корабле. Кунс Винитар щедро заплатил за них в Галираде. Долго будут помнить вождя, который так заботится о своих людях! Подобной диковины, притом очень полезной, до сих пор не видали ни на одном корабле. Аптахар же про себя весьма гордился тем, что именно он привёл кунса во двор к стеклоvarу Остею...

...Раздав горячий напиток, старый сегван наконец-то налил себе и мужественно переборол искушение плеснуть в чашку лишнего из заветной бутылки. Пристрастие к хмельному люди стали за ним замечать примерно тогда же, когда он потерял руку: почти семь лет назад. Глупцы!.. Они видели только внешнее и полагали, будто он принялся топиться в вине из-за увечья. Истинная причина была гораздо глубже и горше, но о том ведал только кунс Винитар. Да ещё сын, молодой Авдика, дослужившийся до десятника в галирадской городской страже. Другим людям Аптахар ничего не рассказывал. И сам почти каждый день напивался, чтобы не вспоминать. В конце концов кунс неожиданно объявился в Галираде и сразу позвал старого товарища с собой в море. «Зачем я тебе, Винитар? – спросил однорукий калека. – Обуза лишняя...» – «У меня на „косатке“ лишних не бывает», – сурово ответил вождь. И... приставил трясущегося с похмелья пьянчужку к корабельному очагу и котлу. К съестному. К тем самым бутылкам в просторной, мягко выстланной корзине. И сказал только: «Присмотри, чтобы каждому отогреться хватило...» Каково грести или менять парус, когда ветер срывает макушки волн и превращает их в рои ледяных копий, Аптахар

очень хорошо знал. Он даже обиделся на вождя, хотя, конечно, виду не подал. И с тех пор был безгрешен.

Хотя злобный Хёгг, враг Богов и людей, каждый день терзал его искушением...

Аптахар смаковал последние капли напитка и как раз пришёл к выводу, что ныне медовуха удалась ему замечательная, – когда сверху послышался голос парня, прозванного Рысью за остроту его глаз. Рысь был ещё и невысок ростом, и его, лёгкого, без труда подняли на верёвке на мачту: пусть-ка оглядится вокруг. Посулили чашку добавки, если высмотрит что занятное. Последний берег скрылся три дня назад, мореходы скучали. Рысь повертел головой в тёплой шапке... и почти сразу торжествующе заорал:

– Парус! Парус справа в-пол-четверти!..

Его крик был полон того яростного ликования, которое наполняет душу воителя, чающего впереди битву. С кем, за что – велика ли важность! Главное – испытать доблесть свою и врага, радуя Отца Богов, взирающего с небес. Длиннобородый Храманн от века ссорит вождей, забирая достойнейших в Своё воинство. Он принимает тех, кто верно следовал за боевым кунсом, ища ему и себе славы, и наконец сложил голову, снискав восхищение друзей и врагов.

Когда дед Аптахара был молодым воином, он встречал много таких храбрецов. А кого не встречал сам, о тех был наслышан. Он без усталости рассказывал об их подвигах сперва сыновьям, потом внукам. И всё ворчал, сетуя, до какой степени оскудел нынешний мир. Люди, носившие мечи во дни дедовой молодости, помышляли больше о чести, а теперь стремились только к добыче... Внуку не годится оспаривать мнение деда, но Аптахар всё косился на вождя, привставшего на корме, и в который раз решал про себя: если старик сейчас смотрит из небесных чертогов – то-то небось гладит сивую бороду от радости за него, Аптахара. Ибо на «косатке» у Винитара то ли воскресли, то ли просто не кончались времена, которые принято называть легендарными. Молодой кунс ни дать ни взять ощутил Аптахаровы мысли. Он поднялся на ноги и сказал так, чтобы слышали все, и ветер, гудевший в снастях, не смог заглушить его голоса.

– Мы сойдёмся с этим кораблём и узнаем, кто они и откуда. Если друзья, мы с ними обменяемся пивом. Если купцы, мы проводим их и проследим, чтобы никто не обидел...

«И они серебром оплатят нашу защиту, – подумал Аптахар с предвкушением. – Или товарами, которые везут продавать...»

– ...а если враги, – довершил кунс, – мы снимем с борта щиты и узнаем, чей меч лучше наточен.

Айр-Донн начал уже тревожиться, успев решить, что Волкодав нынче вечером к нему не зайдёт. Но вот один из посетителей, расплатившись, открыл было наружную дверь... и невольно шарахнулся назад, прижав рукой шапку, а завсегдатаи «Белого Коня» дружно засмеялись. Потому что снаружи, из мокрых сумерек, едва не чиркнув выходявшего по голове, стремительно и нетерпеливо влетел крылатый зверёк. Он очень не любил сырости – и, если уж не удавалось совсем её избежать, стремился как можно скорее вернуться в тепло. Летучая мышь пронеслась под потолком, роняя с чёрных крыльев капельки влаги, и уверенно опустилась на стойку. Маленький охотник знал, что здесь его ждёт угощение. За последние три года он ни разу не обманулся в своих ожиданиях. Вот и теперь Айр-Донн, улыбаясь, налил в особое, нарочно отведённое блюдечко немного молока и начал крошить хлеб. Мыш жадно шевелил носом, следя, как готовилось его любимое лакомство.

– Не сердись на него, почтенный, – сказал человеку в шапке мужчина, вошедший с улицы следом за зверьком.

Айр-Доннов посетитель отмахнулся:

– Да ладно тебе.

И вышел за дверь, а хозяин зверька отряхнул кожаный плащ и направился к стойке. В отличие от своего крылатого спутника, ничего особенного он собою не представлял. Особенно здесь, в Тин-Вилене, где можно было встретить сыновей и дочерей всех народов земли. Ну и что, что сломанный нос и шрам во всю левую щёку? Не красавец, конечно, и притом сразу видно, что нрава не особенно мирного, – но в корчме у Айр-Донна иной раз веселились молодцы, разрисованные ещё и похлеще. Мужчина был рослый, костлявый, широкоплечий, с длинными, густо побитыми сединой волосами, потемневшими от дождя. Волосы были заплетены в две косы, перевязанные ремешками. На том, что справа, висела одинокая хрустальная бусина, закреплённая узелком.

– Здравствуй, Волкодав, – сказал ему Айр-Донн.

Тот отозвался:

– И тебе поздорову.

Корчмарь пододвинул ему большую дымящуюся чашку и спросил:

– Как уноты[4 - Уноты, унот – юноша, ученик.]?

Вот уже три с лишним года человек по имени Волкодав обучал жрецов Богов-Близнецов и их наёмников замечательному воинскому искусству, именуемому кан-киро. Всё это время Айр-Донн сочувственно выслушивал жалобы учеников. Их Наставник был самодуром и живодёром, и оставалось только гадать, за какие прегрешения судьба послала его парням в наказание вместо прежней Наставницы, всеми любимой Матери Кендарат... «Белый Конь» пользовался заслуженной славой, а сам вельх, как и всякий успешный содержатель корчмы, умел очень хорошо слушать. Жёны жаловались ему на мужей и мужья – на жён, и находили в том облегчение. Да к тому же все знали, что Айр-Донн не станет наушничать. Ему никогда не плакался на суровость Наставника только один парень. Да он, правду молвить, и в «Белом Коне» почти не показывался.

– Ученики, – проговорил Волкодав. – Один вот на днях уезжает.

– Да? – удивился хозяин. – Это кто же?

– Шо-ситайнец... Винойр.

Айр-Донн сразу припомнил улыбчивого меднокожего парня. Светлые волосы, чуть раскосые голубые глаза... лёгкое цепкое тело прирождённого всадника. Если бы у почтенного вельха была ещё одна дочь, он не раздумывая выдал бы её за Винойра. Вслух он сказал совершенно иное:

– Ты не называл его самым способным учеником.

И выставил мисочку заботливо приготовленной сметаны. Венн благодарно кивнул:

- Он уезжает не потому, что стало нечему учиться.

- Я слышал, - заметил Айр-Донн, - Хономер так и не уговорил парня встать на путь Близнецов. Не в этом ли причина?

Хономером звался молодой жрец, достигший, несмотря на свой возраст, очень высокого сана. Всё и вся подчинялось ему в храмовой крепости, стоявшей на холме близ Тин-Вилены. И даже недоброжелатели были уверены, что когда-нибудь на священном острове Толми будет новый властелин. По имени Хономер.

- Он не очень и старался, - сказал Волкодав. И замолчал. Годы дружбы с Айр-Донном не прибавили ему разговорчивости.

- Вот как? - удивился корчмарь.

Венн усмехнулся:

- Из Винойра жрец-воин, как из меня танцовщица.

- Это верно, - согласился Айр-Донн.

На Островах испокон веку было принято шить паруса из кож или тканей, окрашенных яркими красками, не облезаящими от морской сырости и яркого солнца. Причин тому имелось самое меньшее две. Лето с его буйством цветов в стране морских сегванов всегда было коротким, а после нашествия Ледяных Великанов стало уже совсем мимолётным. Большую часть года человеческий глаз видел только белое с серым да ещё чёрное. Оттого мастерицы, украшая одежды, не жалели ниток для яркого цветного узора; оттого обитателя Островов за версту нельзя было спутать с собратом по крови и языку - жителем Берега. Как уж тут не раскрасить обширное полотнище, которому судьба судила реять под серым небом, над серыми волнами! Пусть скорее заметят родичи и друзья, ждущие на берегу. Пусть обретёт надежду терпящий бедствие: помощь близко, держись! Пусть и враги увидят этот парус, раздуваемый ветром, точно

яркий боевой флаг. Пусть они знают: здесь их никто не боится...

Вот это и есть вторая причина. У каждого кунса свои цвета и узоры, двух одинаковых не найдёшь. Все вожди с кем-то в союзе или во вражде, и длится это столетиями. Перемены происходят нечасто. С кем дружил или воевал дед, с тем братается или режется внук. И как по одежде всегда можно определить, какого роду-племени человек, а значит, и выяснить, чего примерно следует от него ждать, – так по парусу нетрудно тотчас догадаться, кому принадлежит корабль. А стало быть, друг там или враг.

Кунс Винитар с острова Закатных Вершин происходил из очень древнего Старшего Рода. И потому рисунок на его парусе отличался благородной простотой: синяя да белая клетка. Злые языки говорят, будто во времена, когда началось исчисление этого Рода, других красок-то делать особенно не умели. Ветрило встречного корабля явно выдавало принадлежность его владельца к одному из Младших Родов. Поднятое над такой же, как у Винитара, боевой «косаткой», оно несло удивительные загогулины красного, жёлтого и зелёного цвета.

– Сам Забан?.. Вряд ли, – сказал Винитар. Дело всё отчётливее пахло стычкой, и он стоял на носу, передав рулевое весло одному из опытных воинов. – У Забана мачта повыше. Да и флюгер в золоте, как положено кунсу.

– И парус пошире, поскольку мореход он искусный, – рассудил Аптахар.

– И потом, мы же слышали в Кондаре – он отправился на восток! – добавил чей-то голос.

– Может, кто-то из его сыновей?

– Тогда где белые полосы?

– Протри глаза, кунс!

Люди, чьи места на «косатке» находятся на носу, имеют право советовать своему вождю, не соглашаться с ним и даже перечить. Могут и посмеяться, разговаривая как с равным. Они это право заслужили в бою.

– У него на штевне крылатая рыба, – разглядел зоркий Рысь.

– Должно быть, это Зоралик с острова Хмурого Человека, – пришёл к выводу Винитар.

– Не иначе, сумел доказать старому Забану, что он в самом деле его сын, – фыркнули рядом. – Только полосы нашить не успел.

История Зоралика не первый год была на слуху по всем Островам. Откуда в действительности появился этот человек, никто толком не знал. Думали, что скорее всего он был потомком рабов, которым перебравшиеся на Берег хозяева поручили брошенный двор и оставили добро, не поместившееся на корабли. Ничего постыдного и зазорного в такой доле люди не находили. Зоралик, однако, не пожелал мирно промышлять морского зверя или торговать рыбой, которой изобиловали холодные воды. Он жаждал принадлежать к какому угодно, пусть Младшему, но знатному Роду. Он где-то раздобыл или построил «косатку» – и начал разбойничать. На самом деле и в этом нельзя было усмотреть большого бесчестья. Достаточно вспомнить, с чего начинали пращурь многих нынешних Старших Родов, – а ведь в их времена небось тоже кто-то почитал за грех изменять установившийся в сегванской жизни порядок...

Недостойным было то, что Зоралик даже не попытался основать собственный Род. Вот тогда, если бы у него получилось, его заживо причислили бы к героям. Но нет! Сын рабов так и не сумел по-настоящему поверить в себя. Или просто наслушался сказаний, где славные деяния совершал непременно сын кунса. Этого сына могли похитить в младенчестве и вырастить невольником, не ведающим о своём знатном родстве. Однако благородной крови не спрячешь, и рано или поздно юноша поднимался на подвиги, и вот тут выяснялось, что знаки рода у него на груди были точно как у старого кунса с соседнего острова, давным-давно скорбевшего о наследнике...

Но легенды легендами, а в жизни всё происходит немного не так. И люди Островов очень не любят тех, кто забывает истинных родителей ради того, чтобы объявить себя сыном знатного человека. На которого – так уж вышло – судьба привела оказаться немного похожим.

– Хёггов хвост! Не повезло тебе, Зоралик, – вздохнул кто-то из ближников Винитара.

– Вот кого вправду оттрепать не мешало бы, – поддержал другой. – Давно меч в ножнах скачет, только всё случая не было.

– А если он вправду сын Забана, так и тем более, – приговорил Винитар. У Забана водилось немирье с другом и союзником его Рода. – Во имя трёхгранного кремня Туннворна! – уже в полный голос прокричал кунс. – Доставайте оружие!..

Могучие парни откупорили палубный люк, живо спрыгнули в трюм и начали поднимать крышки больших тяжёлых сундуков. Из рук в руки – каждый к своему владельцу – поплыли кожаные мешки, увесисто звякавшие при толчках. Сегваны не спеша надевали кольчуги, застёгивали нащёчники шлемов, опоясывались мечами. А зачем спешить? Вождям не годится начинать бой, пока все воины не будут должным образом готовы. И свои, и чужие. В особенности чужие! Иначе срам! Иначе о вожде скажут, будто он не решился надеяться на мужество побратимов и предпочёл напасть на безоружных, не надевших брони врагов!..

Айр-Донн вытер полотенцем очередную кружку и поскрёб ручку ногтем: привиделась трещинка. Палец, однако, ничего не обнаружил, и вельх убрал кружку на полку.

– А как ТОТ твой ученик?

Волкодав ответил не сразу... Молча дожевал хлеб, облизал и отложил ложку, перевернув чашечкой вниз, чтобы не добрался злой дух. Мыш охорашивал шёрстку, сидя у него на плече.

У венна в крепости вправду был ученик, которого они с Айр-Донном никогда не называли по имени. Собственно, Волкодав имени этого своего соплеменника и не знал. Лишь родовое прозвище: Волк.

Русоголовый парнишка с чистой и нежной, как у девушки, кожей и двумя тёмными родинками на левой щеке... «Я странствую во исполнение обета, данного матери. Я поклялся разыскать своего старшего брата, пропавшего много лет назад, или хоть вызнать, какая судьба постигла его...»

Одна сумасшедшая бабка напороочила юному Волку, будто следы брата он разыщет здесь, в Тин-Вилене. И это сбылось – как, впрочем, сбылось всё остальное, что она ему предсказала. Об участии брата Волкодав поведал парню сразу и без утайки. С тех пор Волк не сказал ему ни единого слова. Ибо Правда его племени учит – негоже разговаривать с человеком, которому собираешься мстить.

Три года назад Волку-младшему было девятнадцать. Ровно столько, сколько судьба некогда отпустила его брату. Теперь он был старше.

– По-моему, – сказал Волкодав, – он скоро бросит мне вызов. – Подумал и добавил: – Жалко мне его. Это мой лучший унот... Но вот самого главного в канкиро он так и не понял. И, видать, уже не поймёт.

Когда корабли сблизились, стало видно, что «косатка», подходившая с юго-запада, вправду принадлежала Зоралику. И на ней тоже вовсю готовились к бою. Хотя наверняка разглядели сине-белые клетки острова Закатных Вершин и позолоченный флюгер на мачте, свидетельствовавший – на борту сам Винитар. Что такое в морском бою Винитар и его люди, все хорошо знали, но Зоралика явно не смущала их грозная слава.

Когда стало возможно докричаться, с корабля на корабль полетели сперва задорные шутки, а после и оскорбления.

– Здоровы ли твои воины, Винитар? Мы слышали, ты всё больше протухшей рыбой их кормишь...

– Наш вождь не так беден, чтобы кормить нас тухлятиной, – долетело в ответ. – Нечего судить по себе.

Лодья Винитара как раз проходила с наветренной стороны. Люди Зоралика принялись затыкать носы и отмахиваться:

– Да вы там сами протухли...

Сыновья Закатных Вершин снова не остались в долгу:

– Это длиннородый Храмм посылает вам предупреждение! Вы сами скоро станете кормом для рыб!

А кто-то добавил:

– Вот тогда она вся и протухнет. Изнутри...

Корабли почти разошлись и уже готовились к новому развороту, когда воины Зоралика заметили однорукого Аптахара. Насмешки посыпались с удвоенным пылом:

– Совсем плохи у тебя дела, Винитар! Ты калеку ведёшь в бой, видно, справных воинов нет!..

– Где твоя рука, старик? Не иначе, девки отрезали, чтобы не лапал?

Аптахар постоял за себя сам:

– Моя мёртвая рука уже держит рог с мёдом на пиру у Богов, Зоралик, и только ждёт, когда к ней присоединится всё тело. Берегись, вождь рабов! Как бы она не протянулась из темноты да не схватила тебя за глотку, незаконнорождённый!..

Как и следовало ожидать, этих слов ему не простили. На самом-то деле чего только не наговорят воины перед сражением, стремясь отпугнуть от неприятеля боевую удачу! При этом те, кто умней, знают: по-настоящему унизить дух может лишь оскорбление, содержащее толику истины. Скажи могучему боевому кунсу, что у него дырявый корабль, а дружина как стайка детей, боящихся сумерек, – над такими словами лишь весело похохочут. Но если у того же кунса неудачные сыновья, и ты едкими словами опишешь их недостатки – взбешённый враг уже не сумеет быть так спокоен и сосредоточен в бою, как требуется для победы.

Перебранка перед боем подобна заговору: тайная власть над явлением или предметом достаётся только тому, кто многое знает и может своё знание доказать...

Так вот – слова о «вожде рабов» ударили по больному. На корабле Зоралика кто-то выхватил из колчана стрелу, и широкий, как полумесяц, кованный наконечник с визгом распорол воздух над колеблющейся водой. Аптахар был обязан увечьем точно такой же стреле, срезавшей некогда ему руку по локоть... Но на сей раз нашлось кому его заслонить. Без большой спешки вскинулся щит Винитара – бело-синий круг вощёной кожи на деревянной основе, с оковками в центре и по бокам. Стрела гулко грохнула в него, затрепетала оперением и осталась торчать. Молодой кунс выдернул её, чтобы не мешала:

– Не врут, значит, люди, когда говорят, что у Зоралика на корабле рабы и трусливые дети рабов. Храбрецы не начинают сражения, стреляя в спину калекам! Что ж, свободные сегваны, покажем, как у нас принято усмирять обнаглевших невольников!..

Он отдал команду – и его воины поспешно убрали уже вытасщенные мечи, которыми грозили врагу, и бросились к парусу. Рулевой налёг на правило... Лодья развернулась так, как вроде бы не положено разворачиваться большому и тяжёлому судну: почти на одном месте, прочертив штевнем собственный свежий, ещё пенящийся след. Парус громыхнул и вновь упруго наполнился, растянутый длинными шестами уже не вдоль, а поперёк корабля. «Косатка» хищно накренилась на левый борт и, набирая скорость, сперва ходко пошла, потом – едва ли не полетела за кораблём Зоралика. У форштевня вскипели белые буруны, двумя длинными крыльями вытянулись назад...

И то сказать, клетчатый парус был почти в полтора раза шире трёхцветного. Такой широкий парус ставит лишь очень уверенный мореход, знающий, что успеет с ним справиться, какую бы неожиданность ни подбросило море. Конечно, Зоралик тоже вырос на Островах, а значит, щедрый океан ему был с младенчества родней, чем скалистая обледенелая суша. Мало какой мореход из сольвеннов, вельхов, саккаремцев смог бы с ним потягаться, ибо приобретённое умение никогда не сравнится с наследным, так долго передававшимся от отца к сыну, что люди начинают говорить: «Это в крови!» Беда только, кровь у всех разная. В том числе и у сегванов, природных жителей Островов. Богини Судьбы всех благословляют неодинаково, и того, что одному дано от рождения, другой никогда не достигнет, хоть он из кожи выпрыгни, пытаясь. Зоралик, сколь было известно, никогда не покидал Островов, а значит, и своего корабля. Винитар много зим провёл на Берегу. Даже не просто на Берегу – вовсе в глубине материка, далеко от моря. И тем не менее, углы пёстрого паруса лишь чуть выдавались за борта «косатки», а клетчатый был шире палубы едва ли не втрое.

Вот так.

И было ещё одно обстоятельство, влиявшее на бег кораблей. Зораликово судно глубже сидело в воде и тяжелее переваливалось на волнах. Голодный волк быстро догонял сытого.

– А Зоралик-то у нас, похоже, с добычей, – угадал Аптахар. Будь у него две руки, он с предвкушением потёр бы их одну о другую, но пришлось ограничиться взмахом сжатого кулака. – Будет что продать в Тин-Вилене!

У него за плечами был длинный и извилистый путь. Длиннее, чем у кого-либо ещё на корабле. Доводилось ему служить и наёмником, и в те времена на него сразу прикрикнули бы вдесятером: не говори «гоп»!.. сглазить, дурень, решил?.. На добром сегванском корабле порядки были иные. Здесь, наоборот, старались всячески выразить уверенность и привлечь к себе побольше удачи. Удача – она ведь просто так в руки не дастся. Она придёт только к смелым и умеющим её приманить!

Зоралик тем временем вовсе не собирался удирать от погони. Обнаружив корабль Винитара у себя за кормой, он решил развернуться и встретить его как положено. И встретил бы – если бы Винитар ему это позволил. Но широкий клетчатый парус перекрыл ветер, и пёстрое полотнище бессильно поникло, превращаясь в простую мятую тряпку. «Косатка» потеряла скорость, буруны возле штевня опали и улеглись, её закачало с борта на борт. Корабль Винитара чуть отвернул и проследовал мимо во всём своём грозном великолепии. Парус Зораликовой лодыи при этом снова поймал ветер, но, пожалуй, лучше бы не ловил. Его расправило с такой неистовой силой, что из основания мачты послышался треск, а один из концов, державших нижнюю шкаторину, гулко лопнул и заполоскался над головами. «Косатка» Винитара проходила под ветром, показывая выкаченный из воды борт. Вдоль этого борта, между щитами, ненадолго возникли головы в шлемах. Мелькнули вскинутые луки – и на вражескую палубу обрушилось не менее тридцати стрел.

Плохих стрелков Винитар с собой в море не брал... Это очень трудно – стоя на качающейся палубе, где просто на ногах-то мудрено удержаться, обрести равновесие, с силой натянуть лук и попасть в человека, мелькнувшего на такой же палубе в сотне шагов. Мощный лук, позаимствованный Винитаром у одного из племён Берега, придаёт тяжёлой стреле скорость, позволяющую на таком расстоянии даже не брать превышения... Но ветер ловит стрелу за пёстрые

перья, нарушая стройность полёта. А волна подхватывает корабль, и воин, в которого ты целился, оказывается не там, где ты его видел. Тебе кажется, что ты тратишь стрелы впустую, – но зато, когда вражеские стрелки решают не остаться в долгу, тот же ветер и те же волны отворачивают их стрелы с пути затем только, чтобы метнуть прямо в тебя...

С корабля Зоралика донеслась ругань. Кого-то зацепило, может, даже и насмерть. Сыновьям Закатных Вершин повезло больше. То есть не в везении дело – их вождь лучше рассчитал время. Ответные стрелы, донёсшиеся над водой, принял и остановил жёсткий ясеневый борт.

– Хорошо, что ты решил вернуться на Острова, – сказал Аптахар своему кунсу. – Насколько лучше идти на врага под парусом, а не трясясь на конской спине, в грязи и мерзкой пыли!..

Винитар глянул на него и усмехнулся. Аптахар дёрнул здоровым плечом и ворчливо добавил:

– А впрочем, я был согласен на блох и жару, только чтобы вместе с тобой.

Комесы вокруг них, вроде бы невозмутимо занимавшиеся каждый своим делом, не пропустили этих слов мимо ушей. Сперва подали голос те, кто стоял ближе к вождю, потом присоединились другие, и над морем трижды пронеслось слитное:

– Ви-ни-тар! Ви-ни-тар!..

Так с незапамятных времён было принято в сегванских дружинах. Имя кунса превращалось в боевой клич. И его, как расцветку паруса, узнавали издалека.

Винитар выпрямился и обвёл взглядом палубу корабля, не пропустив ни одного из обращённых к нему лиц. Но ответил негромко и так, словно обращался лишь к однорукому:

– Пусть Храмм мне поможет сделать так, чтобы ты, дядька Аптахар, об этом не пожалел.

Миновав Зораликову лодью, на корабле Винитара ещё шире развернули парус и стали быстро уходить по ветру. Конечно, это не было бегством. Дети Хмурого Человека, видевшие сражения, навряд ли решили, будто Винитар от них побежал. Нет!.. Скорее всего кунс из Старшего Рода решил смертельно оскорбить их вождя, совсем отказываясь от боя с «незаконнорождённым». Или, того не лучше, надумал уйти далеко вперёд, чтобы потом подстеречь Зоралика уже среди Островов, где-нибудь рядом с домом!..

Аптахар ещё подогрел ярость врагов, самым оскорбительным образом показав им с кормы свёрнутый кольцом толстый канат. Не нужна ли, мол, помощь, толстобокие тихоходы?..

В ответ ветер донёс замысловатую ругань. Потом Зораликовы люди отвязали вёсла, укреплённые по бортам в особых рогатках, вытащили из уключин защитные крышки – и взялись грести.

– Они попались на твою удочку, кунс! – вернувшись с кормы, удовлетворённо проговорил Аптахар. – Следовало бы Зоралику выучиться получше обращаться с «косаткой», прежде чем ввязываться в сражения! Теперь пусть-ка потеет!..

Сначала Винитар ушёл от Зоралика далеко, так что парус корабля превратился в цветной мазок среди небесной и морской синевы. Потом его люди слегка подвернули просторное клетчатое крыло, и Зоралик начал нагонять – медленно, тяжело, постепенно. Ему должно было казаться, что не Винитар вновь подпускал его ближе, а он его догонял, сам, своим трудом и усилием. Молодой кунс понял, что не ошибся, когда на носу корабля преследователей стало возможно рассмотреть человека – судя по красивой посеребрённой броне, не иначе, самого Зоралика. Он торжествующе размахивал зубастым метательным якорем на крепкой верёвке. Такими стягивают корабли, сходясь в рукопашной. За спиной Зоралика щетинились копья дружины, изготовленные для боя. По обоим бортам яростно работали вёсла...

«Пора!» – решил Винитар и отдал команду. Мореходы, загодя разошедшиеся по местам, схватились за тугие плетёные канаты. Парус рвал их из рук, но ладони у морских сегванов были покрыты роговой коркой: не такое выдерживали. «Косатка» резко ушла на ветер, закладывая разворот, который для менее опытной команды стал бы губительным. Однако морской конь – так жители Островов называют верный корабль – прекрасно чувствует, что за седок прищпоривает его, устремляя навстречу волнам. И когда ему передаётся

решимость стоящего у руля, он сам исполняется яростного вдохновения и творит чудеса, помогая наезднику. Кажется, Зоралик всё-таки понял, что должно было произойти, но толком ничего предпринять не успел. Бело-синий клетчатый парус на мгновение обвис, потом вновь гулко расправился... и «косатка» Винитара, оказавшаяся с наветренной стороны, хищно понеслась прямо в борт его кораблю.

Это непросто – из удачливого преследователя, собиравшегося вот-вот схватить за шиворот удирающего врага, тотчас превратиться в ждущую нападения жертву. Поэтому Зоралик промедлил и не сумел как следует увернуться. Его кормщик лишь переложил руль, сделав удар скольльзящим, а вот парус перетянуть не успели. Тяжёлый, окованный металлом форштевень «косатки» со страшным треском смял бортовые доски чуть позади мачты. Кто-то не успел убрать весло, и в воздухе мелькнуло человеческое тело, похожее на тряпичную куклу: его подбросило рукоятью. Молодой сегван, только что ещё дышавший, о чём-то думавший, чего-то желавший, упал в холодную воду. На мгновение окрасил её кровью и сразу ушёл вниз. Волны не успели сомкнуться над его головой, когда из покалеченного борта «косатки» вырвало крепление снасти, удерживавшей мачту. Корабль застонал. Резкий крен, оборванная растяжка да ещё парус, в который с прежней силой ломился ветер, – всего вместе мачта не выдержала. Она напряжённо выгнулась, а потом, брызнув щепками, распалась почти ровно посередине и рухнула. Парус освобождённо хлестнул и накрыл носовую часть палубы, где по-прежнему оставалось большинство Зораликовых воинов. Комесы Винитара выкрикивали оскорбления и раз за разом спускали тетивы. Беспощадные стрелы легко прошивали жёсткую мокрую ткань, иные воины так и умерли под ней в унижительной беспомощности, ещё прежде, чем толком началась битва. Другие успели вырваться наружу... как раз вовремя, чтобы встретить сыновей Закатных Вершин, прыгавших к ним на палубу.

Нос Винитаровой «косатки» прочно сидел в теле подмятого судна, глубоко войдя сквозь проломленный борт. Он разворотил палубу, искрошил скамьи гребцов... Неповреждённая «косатка» сама по себе была драгоценной добычей. Однако Винитар предпочёл действовать так, чтобы дать своим людям побольше преимуществ и не вынуждать их слишком дорого платить за победу. Гласила же мудрость длиннородого Храмна, который сам когда-то был кунсом и водил в море боевую лодью: никакой корабль тебе не добудет верных людей. А вот люди корабль для тебя либо выстроят, либо купят, либо возьмут...

Винитар был среди первых, кто перескочил борт и схватился с комесами Зоралика, и на то, как он это делал, поистине стоило поглядеть. Если бы две дружины мирно встретились где-нибудь на общем торгу и затеяли воинскую потеху, доблестное состязание мужей, вряд ли кто-нибудь, кроме самых отчаянных, захотел бы встать против него даже на деревянных мечах. Однако битва не спрашивает, хочешь ты чего-нибудь или не хочешь! С кем привёл случай, с тем и рубись. Винитар не заслонялся щитом. В одной руке у него был меч, в другой – длинный боевой нож, и обеими руками он владел одинаково хорошо. Первый же соперник бросился на него, невнятно рыча имя своего кунса и с силой занося широкий клинок. Меч Винитара взлетел навстречу из-за ноги, снизу вверх. Шаг вперёд!.. Винитар не ловил оружие врага, не пытался непременно отбить его. Рыжеволосый воин не успел довершить замаха – меч кунса ткнул его в горло. Сегваны, как и некоторые племена Берега, очень редко кололи мечами, предпочитая рубить. Оттого концы их клинков делались закруглёнными, но это закругление оттачивалось – хоть брейся. Рыжеволосый, ахнув, остановился и попробовал зажать хлещущую рану ладонями. Винитар не стал ждать, получится ли у него. Навстречу, прыгая через скамьи, бежал следующий и уже метил по молодому кунсу косо, сверху вниз, от плеча: достанет и как есть располосует надвое, броня там, не броня. Винитар молча вписался в его движение, двое развернулись, как в танце, и руку Зораликова человека увело вниз вместе с мечом. Он не ожидал этого и потерял равновесие, неловко взмахнул щитом... Винитар поймал его на боевой нож. Сбросил на палубу и пошёл дальше. Сегодня Зоралику ни в чём не досталось удачи. Не станут его люди хвастаться на пирах, будто победили кунса из Старшего Рода. Ничем они, если уж на то пошло, хвастаться больше не будут. И веселиться, поднимая за своего вождя рога душистого мёда, им тоже не было суждено...

...А ведь могли бы отсоветовать Зоралику поднимать на мачту красный боевой щит. Мало ли кто чей враг или союзник – обменялись бы новостями, перекинули с борта на борт по бочонку домашнего пива... да и разошлись подобру-поздорову. Ибо на мирный знак стрелами не отвечают. Что ж... выбрали. И теперь умирали.

Винитар перепрыгнул через одного, лежавшего между скамьями. Белобрысый парень лежал в позе человека, собравшегося как следует выспаться: одна рука заброшена за голову, другая на животе. Только он, конечно, не спал. На нём не было видно крови, голубые глаза светились бешенством и отчаянием, и – это привлекло внимание кунса – в них стояли слёзы. Воин скрипел зубами и силился пошевелиться, но не мог. Винитар увидел, как мотались в такт качке его раскинутые ступни. Парню сломало спину, когда сталкивались корабли. Ударило

веслом, а может, бросило о скамью...

Винитар перескочил через него и побежал дальше.

Когда началась перебранка с людьми Зоралика, а потом стало ясно, что сражения не миновать, – Аптахар сразу вспомнил сон, о котором кунс рассказал ему утром. Сновидение было не то чтобы напрямую зловещим, но старый воин не на шутку встревожился. «Ты о чём, дядька Аптахар? – удивился его былой воспитанник. – Вот если бы я увидел, как бьёт копытами сивый конь Храмна, присланный за мной из небесных чертогов... Или встретился со своим двойником, готовым уступить мне своё место в том мире!»

Винитару же, по его словам, приснился всего-то большой пёс. С которым он, Винитар, всю ночь полз сквозь какие-то подземные расселины и пещеры. Сегванская вера уделяла собакам не слишком много внимания. Коренные жители Островов испокон веку ходили в море на кораблях, а по суше ездили на маленьких, долгогривых, уверенно ступающих лошадках. Пасли коров, привычных питаться зимой не столько сеном, сколько сушёными рыбьими головами, разводили смышлёных коз и черноголовых овец, дававших несравненно тёплую шерсть... Ну а Боги любого народа всегда живут той же жизнью, что и те, кто Им поклоняется. Вот и ездил длиннобородый Отец Храмна на чудесном сивом коне, способном скакать даже по радуге, его супруга Родана заботилась о Предвечной Корове, чьё щедрое вымя вскормило самых первых людей, а Хозяин Глубин владел кораблём, скользившим по морю и по облакам.

Но собака?.. Премудрый Храмна создал её, чтобы помогала охотиться и таскала по снегу быстрые санки. Сегваны больше почитали кошек, хранивших драгоценное зерно от крыс и мышей.

«Мало ли во что верят или не верят у нас! – ворчливо нахмурился Аптахар. – Я-то помотался по свету и видел даже больше, чем ты. И я знаю племя, у которого собака после смерти помогает душе достигнуть священного Острова Жизни – или как там он у них называется...»

«Мне действительно снилось, будто он мне помогал. Я ему, впрочем, тоже. Что это за племя?»

Аптахар ответил совсем мрачно, со значением:

«Венны, кунс. Венны».

«Та-а-ак... – протянул Винитар. – А в этом племени есть род, который... – И молодой кунс нехорошо, медленно усмехнулся. – Что ж, дядька Аптахар! Если мой сон окажется в руку, я, правду молвить, не особенно огорчусь. Я ведь примерно за тем в Тин-Вилену и еду. Другое дело, на что мне сдались веннские небеса? Я намерен после смерти отправиться на свои... – Помолчал и добавил: – А что, может, мы с ним и лезли каждый на свои небеса, только поначалу вместе...»

«Помолчи лучше! – безо всякой почтительности оборвал вождя Аптахар. – „В руку“!.. Всякий сон сбывается так, как его истолкуют!.. Забыл?!.»

«Нет, не забыл, – покачал головой Винитар. – Просто не хочу убегать от той участи, которую выпряли мне Хозяйки Судеб. Мало толку гадать, что я по Их воле успею или не успею! По-твоему, лучше будет, если обо мне скажут: он повернул назад с середины пути, потому что ночью увидел дурной сон?»

«Не лучше», – вынужден был согласиться Аптахар...

Теперь он вспоминал утренний разговор, и тревога в нём нарастала. Тем более что, повинуясь строгому наказу вождя, старый воин ныне смотрел на сражения со стороны, с палубы своего корабля. «Я знаю, ты одной рукой бьёшься лучше, чем другие люди двумя, – в самом начале похода сказал ему Винитар. И кивнул на молодые белозубые рожи засмеявшихся комесов: – Кто из этих неразумных сумеет подать мне добрый совет, если какой-нибудь случайный удар всё-таки отправит тебя к Храмну?...»

Аптахар с ним не спорил, сказав себе: в конце концов, каждый когда-нибудь оставляет сражения. А он в своей жизни их видел достаточно. И руку утратил не где-нибудь, а в знаменитой битве возле Препоны. Об этой битве, насколько ему было известно, с тех пор сложили легенды. И ни тени бесчестья его тогда не коснулось.

То есть всё правильно.

Если бы только не пёс, приснившийся кунсу...

Аптахар нащупал у пояса ножны с длинным боевым ножом, пробежал, слушая, как поют над головой редкие стрелы, по палубе «косатки» и, опершись ладонью, с молодой лёгкостью махнул через борт. Винитар не преувеличивал – он и с одной рукой мало кого боялся один на один. А вождь пускай его бранит сколько душе угодно. Потом, после боя. Когда останется жив.

...А в кузнице у Белого ручья всё происходило совсем не так, как представлялось смотревшему с вершины холма. То есть снесь, принесённая девушкой для вечера, в самом деле оказалась превыше всяких похвал, и светец, разожжённый молодым кузнецом, вправду походил на цветок за порогом – походил так, как волшебная баснь[5 - Баснь – повествование о волшебном и небывалом. Теперь мы говорим «сказка», хотя раньше так именовался строгий и реалистичный отчёт.]на урочное каждодневное дело. И Щегол с Оленюшкой действительно сидели на лавке возле стены.

«Добрые у тебя руки, Шаршава...»

«Добрые... В огонь сунуть бы. Или топором обрубить. Как-нибудь невзначай...»

Крепкие девичьи пальцы сомкнулись на руках кузнеца, словно этим могучим ручищам вправду угрожала беда.

«Что молвишь такое!»

«А что? Строга твоя матушка, а и то чую – уже скоро позволит бус у тебя попросить...»

Волосы парня были заплетены так, как плетут их все веннские мужчины: в две косы, перевязанные ремешками. На ремешках следовало носить бусы, подаренные невестой или женой. У кузнеца ремешки пока были гладкие. Девушка вздохнула:

«Тяжко тебе».

«Тебе будто легче...»

«Может, и легче».

«Стойкая ты».

«Я того человека видела всего один раз, потом снился лишь. А лет тому уже минуло... Иногда слух дойдёт, если люди передадут... А ты свою Заюшку с той ярмарки любишь. Расскажи ещё про неё».

Шаршава вздохнул:

«Да что сказывать. На руках бы носил, по земле ходить не позволил...»

«А не могло твоему дедушке просто приблизиться, будто тот Заяц ему на полпяди короче продал верёвку, чем обещал?»

«Я уж спрашивал... Батогом поперёк спины получил».

Оленюшка задумалась. В который раз, и всё без толку. И не такова вроде неправда, чтобы суд судить и виру истребовать, подавно – мечь мстить. Но и не спросишь посереде торга: да что ж ты, друг Заяц! Я тебе – мёдом разбавленным за ту верёвку платил?.. Да... Пятнистые Олени сами никогда не засылали сватов ни к Лосям, ни к Тайменям. Тоже помнили о подобных обидах. Десятилетия назад нанесённых. А что? Старики правы. Ослабни строгая память – и вовсе не станет в людях стыда. Не станет закона.

Только легче ли от таких мыслей, если Шаршаву Щегла того гляди на ней – нелюбимой – женят родители? Заюшку милую заставят забыть?..

И она по слову матери примет нелюбимого мужа, воспретит себе думать про когда-то встреченного Серого Пса?..

И вновь тихо в кузнице, только потрескивает еле слышно лучина в красивом, на сказочный цветок похожем светце. И сидят друг подле друга парень и девушка. Ни дать ни взять брат и сестра...

Иногда происходят-таки чудеса:

Взяли с улицы в дом беспризорного пса.

Искупав, расчесали – и к морде седой

Пододвинули миску со вкусной едой.

Вполовину измерив свой жизненный круг,

Он постиг благодать человеческих рук.

И, впервые найдя по душе уголок,

На уютной лежанке свернулся в клубок...

Так оно и пошло. Стал он жить-поживать,

Стал по улице чинно с Хозяйкой гулять.

Поводок и ошейник – немалая честь:

«У меня теперь тоже Хозяева есть!

Я не тот, что вчера, – подзаборная голь.

Я себе Своего Человека завёл!»

И Хозяйка гордилась. Достигнута цель —

Только ей покорялся могучий кобель...

А потом на прогулке, от дома вдали,

Трое наглых верзил к ней в лесу подошли.

И слышали над головой небеса,

Как она призывала любимого пса...

Вот вам первый исход. Спрятав хвост между ног,

Кобелина трусливо рванул наутёк.

Без оглядки бежал он сквозь зимнюю тьму:

«Этак, братцы, недолго пропасть самому!

Ну и что, если с ней приключится беда?

Я другую Хозяйку найду без труда.

Ту, что будет ласкать, подзывая к столу,

И матрасик постелит в кухонном углу...»

А второй был на первый исход непохож.

Пёс клыки показал им, и каждый – как нож!

«Кто тут смеет обидеть Хозяйку мою?

Подходите – померимся в честном бою!

Я пощаду давать не намерен врагу!

Я Хозяйку, покуда живой, – сберегу!

Это право и честь, это высший закон,

Мне завещанный с первоначальных времён!»

А теперь отвечай, правоверный народ:

Сообразнее с жизнью который исход?

2. Знамение

Всем известно, что на равнинах Шо-Ситайна обитает гораздо больше скота, чем людей.

Несведущие иноземцы даже посмеиваются над меднокожими странниками равнин, называя их то собирателями овечьего навоза, то пожирателями вонючего сыра, то нюхателями пыли и ветра из-под конских хвостов. Шо-ситайнцы не обижаются. Что взять с чужестранцев! Да и следует ли обижаться на очевидную глупость? Она лишь создаёт скверную славу тому, кто изрекает

её. Придумали бы ещё посмеяться над почтенным мономатанским купцом – за то, что он больно много золота скопил в сундуках!

Равнинный Шо-Ситайн – большая страна. Её племена говорят на нескольких языках, не вполне одинаковых, но близких, как единокровные братья. Большинство слов общие для всех. Одно из таких общих слов обозначает богатство. И оно же во всех шо-ситайнских наречиях обозначает скот. Хозяйственного, зажиточного человека так и называют: «сильный скота». И другого слова для наименования достатка нет в Шо-Ситайне. Не понадобилось за века, что живут здесь кочевые кланы, а степную траву топчут их благодатные табуны и стада. Иного богатства шо-ситайнцам не надобно.

Самые рассудительные из чужестранцев, справедливо признавая скот как богатство, всё же числят его не самым истинным и высоким символом изобилия. Не таким всеобъемлющим и совершенным, как золото. Имея золото, говорят они, ты сумеешь купить себе всё остальное. И корову, и коз, и овец. И коня, чтобы объезжать пастбища, и собаку, чтобы всё сторожила.

Ну да, хмыкнет в ответ шо-ситайнец. Золото. Хорошая штука, конечно. Много славных и полезных вещей можно приобрести на торгу в городе, когда звенит в кошеле золото, вырученное за проданный скот. Но всему своё место! Ты встань-ка посреди пустошей Серой Кору, где во все стороны на множество поприщ – лишь белёсые глиняные чешуи, высушенные солнцем, словно в печи. Даже перекасти-поле, занесённое в те края ветром, взывает к Отцу Небу и просит нового ветра – убраться поскорей из погибельного места. Ну и что ты будешь делать там со своими золотыми монетами? Унесут они от гибели тебя, обессиленного? Укажут дорогу к воде? Оборонят, наконец, от степных волков и гиен?.. И которое богатство тогда покажется тебе истинным, а которое – ложным?

Так подумает про себя шо-ситайнец, но вслух спорить не станет. Нехорошо это – спорить, ибо в споре сшибаются, как два безмозглых барана, самомнение и упрямство, и что бы ни победило – всё плохо. Не станет кочевник и похвалиться числом своих стад, ибо так поступают только глупцы. Глупцам невдомёк: и золото в сундуках, и отара на пастбище – мимолётны, словно кружевной иней, которым заморозок одевает траву перед рассветом. Набежит туча, омрачит благой лик Неба... и золотом поживятся разбойники, а стадо выкосит мор, или вырежут вечно голодные волки... или угонят в ночи лихие молодцы из враждебного клана.

Поэтому, случись хвастаться, разумный шо-ситайнец не станет бахвалиться овцами и коровами, знающими его голос. Меднолицый житель степи со скупой гордостью упомянет о тех, чья доблесть не даёт его достоянию улететь по ветру, уподобившись путаным шарам перекасти-поля. О тех, чьё присутствие рядом с ним возвещает всему поднебесному миру: вот свободный человек, мужчина и воин. О тех, чьи предки с его предками сто поколений грелись возле одного огня, пили одну воду и ели один хлеб...

Он неторопливо расскажет вам о друге-коне и верной собаке.

Все знают: пригнав в Тин-Вилену скот и выгодно сбыв его на торгу, шо-ситайнец сначала потратится на дорогую уздечку для славного жеребца. Потом велит мастеру кожевнику наклепать золотые бляшки на ошейник могучего кобеля: по числу убитых волков.

А подарки любимой жене и украшения дочкам-невестам он отправится покупать уже в-третьих.

Благо тому, чей конь послушен и быстр, а пёс – сметлив и бесстрашен!

Но Отец Небо сотворил всех людей разными. И если одному довольно знать достоинства своих питомцев и про себя ими гордиться, то другой не сможет спокойно спать, пока не уверится, что его конь не просто быстрый, но – САМЫЙ быстрый и равного ему не найти. И пёс у такого человека должен быть не просто зол и зубаст, не просто способен охранить от любого посягательства стада и добро, хотя бы хозяин полгода отсутствовал. Он ещё и должен биться с себе подобными, доказывая, что именно он – самый лютей, самый выносливый и самый крепкий на рану...

Образованный чужеземец, которому и тут до всего есть дело, назовёт хозяина боевых псов рабом мелочного тщеславия:

– Хочешь почестей, так и дрался бы сам! Почему заставляешь отдуваться собаку?

Кочевник с заплетённой в три косы бородой не спеша наклонится и погладит пушистого зверя, невозмутимо растянувшегося у ног. О чём толковать с чужестранцем, не понимающим очевидного? Объяснять ему, что кобель, который боится или не умеет за себя постоять, не нужен ни при отаре, ни возле красавицы суки, собравшей кругом себя женихов? Способен ли понять горожанин, никогда даже издали не слышавший плача гиены и воя степных волков, затевающих ночную охоту, что от пса-победителя каждый хозяин стада захочет щенка – такого же широкогрудого, с неутомимыми лапами и мощными челюстями?.. А главное, наделённого таким же благородным воинским духом? И значит, пёс, с которым, по мнению чужака, поступают жестоко и несправедливо, станет отцом многочисленного потомства, подарит свой облик новым продолжателям породы?..

Всё это и ещё многое может поведать шо-ситайнец заезжему человеку, но чего ради попусту болтать языком? Чем сто раз услышать, лучше пускай один раз увидит собственными глазами. И «сильный скота», немногословный от жизни посреди степного безлюдья, лишь сделает рукой приглашающее движение и неохотно обронит:

– Что зря спорить? Приходи завтра утром на След. Сам и посмотришь.

Город Тин-Вилена лежит между горами и морем, на берегах большой бухты, чьё удобство радует мореплавателей, а красота насыщает самый избалованный взгляд. По форме своей бухта напоминает след лошадиного копыта, а именно – правой передней ноги. Местные жители хорошо знают, почему так. Некогда, во времена юности мира, этими местами скакал славный жеребец Бога Коней, почитаемого в Шо-Ситайне, и именно здесь ему довелось коснуться копытом земли. И пускай досадливо морщатся грамотеи-арранты, уверенные, будто знают решительно всё об устройении мира: в Тин-Вилене вам будут рассказывать именно так. Эту легенду знают здесь все. А ещё в городе помнят, что в том своём полёте предводитель небесных скакунов сопровождал маленького жеребёнка. Ведь свирепые жеребцы, бесстрашные хранители табунов, очень любят играть со своими только что народившимися детьми, и любой кочевник подтвердит это всякому, кто вздумает усомниться. Так вот, именно над будущей Тин-Виленой малыш ухватил величайшего из коней за клубящийся вороной хвост, отчего тот и ударил оземь копытом. Но жеребёнок удался весь в отца, он повторил его движение... и между холмами предгорий сделалась небольшая круглая котловина.

Это-то урочище[6 - Урочище – часть местности, достаточно резко отличающаяся по своим природным характеристикам от всего, что вокруг. «Ландшафтная единица», как принято теперь говорить.] тин-виленцы и называют Следом. Здесь единственное место в округе, откуда не виден замок-храм Близнецов, вознёсшийся над высокой каменистой вершиной. И След не виден из замка, даже с верхней башни, где всегда бдят зоркоглазые стражи и лежит припасённый хворост – на случай тревоги. Даже оттуда не видно, что делается в котловине Следа, и ничего случайного в том нет. Просто Тин-Вилену когда-то основали нарлаки, и многие её жители до сих пор с гордостью возводят к первопоселенцам свой род. А нарлакское племя известно среди прочих сугубой приверженностью старинным обычаям – по крайней мере в том, что касается внешней стороны их соблюдения. Так вот, познакомившись с местным народом и впервые узрев бои псов, суровые старейшины поселенцев накрепко порешили: у праотцов наших от веку не было подобной забавы – стало быть, негоже и нам! Только вот любопытство людское – что неугомонный ручей. Как его ни загораживай, как ни запирай – обязательно отыщет обходной путь. Шо-ситаинцы пригоняли в город скот на продажу, здесь волей-неволей мирно встречались разные кланы – и, понятно, кочевники пользовались случаем, чтобы стравливать и сравнивать знаменитых собак... Посмотреть на бои тайно приходили самые дерзкие из горожан. Потом с упоением – и опять-таки тайно – рассказывали друзьям. Среди друзей, ясно, находились такие, кто немедля бежал шепнуть на ушко старейшинам. Те яро гневались, непокорным наглецам «вгоняли ума в задние ворота» с помощью ивовых прутьев... Но опять приезжали кочевники – и всё повторялось.

Говорят, дело начало меняться, когда один из старейшин, выслушав донос ябедника, строго осведомился: «Так поведай же скорей, дурень, кто победил?»

Утеснения тех давних времён казались теперь баснословными. Никто уже не поминал о запретах, и гибкие прутья вымачивались в кипятке ради наказаний совсем за другие проступки. Но тин-виленские нарлаки не были бы нарлаками, если бы не обзавелись сообразным делу обычаем.

Во-первых, псов до сих пор стравливали в «тайном» месте – то бишь в котловине Следа, худо-бедно укрытой даже от зоркого ока храмовых караульщиков (к немалой, прямо скажем, досаде этих последних). А во-вторых... Хотя каждый раз и устраивалась возле Следа сущая ярмарка с шумным торгом, плясками и угощением – но ни накануне, ни поутру ни единый глашатай не ходил по городским улицам, созывая народ на погляд и забаву. Подразумевалось, что

всякий, кому интересно, прослышит сам. На то есть слухи и сплетни, и плохи уши, в которые они не попадут. А бдительная стража и кончанские старейшины, потомки несгибаемых праотцов, опять же по обычаю делают вид, будто знать ничего не знают, ведать не ведают.

Было раннее утро хорошего весеннего дня. Недавно пронёсшееся ненастье чище чистого умыло небеса – и над морем, и над степями, и над вершинами Заоблачного кряжа. Дождь, нешуточно грозившийся смыть Тин-Вилену всю целиком в море, в горах выпал снегом – последним снегом уходящей зимы. Могучие кряжи в незапятнанно-белых обновах ярко горели на солнце. И всё затмевал серебряным блеском двуглавый пик величественного Харан Киира, называемого у горцев Престолом Небес.

Распорядитель и старший судья пёсних боёв – у него был даже свой особый титул: Непререкаемый, – поднялся с небольшого возвышения, на котором сидел, и, повернувшись лицом к священной горе, молча сотворил короткую молитву. Перед грудью он держал свой жезл – недлинную и ничем не украшенную палочку из твёрдого дерева, срезанную на конце таким образом, что получалось нечто вроде лопаточки. Непререкаемый был уже старцем, но морщины, избороздившие лицо, казались отметинами на гранитной скале. Проведший жизнь подле своих стад, седобородый старейшина отнюдь не утратил ни жилистой крепости, ни подвижности тела. Пройдут ещё годы, а за ним в седле по степи всё так же трудно будет угнаться иным молодым.

Не каждый из собравшихся в котловине Следа веровал в тех же Богов, которых призывал сейчас Непререкаемый, но несколько мгновений почтительной тишины соблюли все. Даже Ригномер, разбитной торговец-сегван, сквернослов и задира, известный всему городу под кличкой Бойцовый Петух. Сегван наблюдал за происходившим, кривя губы в насмешке, но помалкивал. А Непререкаемый, окончив молитву, вновь опустился на вышитую, набитую шерстью подушку и коротко кивнул:

– Начнём же, во имя Матери Сущего.

След хорош ещё и тем, что у него удобное, ровное, правильно-округлое дно шагов пятидесяти в поперечнике. Земля здесь твёрдая, так утоптанная за годы, что на ней почти не вырастает трава. У площадки тоже есть особенное название:

Круг. Его ничем не огораживают, поскольку соперники-псы в бою заняты только друг другом и не огрызаются на людей. Зрителям входить в Круг не положено. На эту землю вступают только сами бойцы и их хозяева. Да ещё младшие судьи, помощники Непререкаемого, носители его жезла.

По разные стороны Круга, сопровождаемые хозяевами, уже стояли два самых первых бойца. Шо-ситайнцы дают своим волкодавам исполненные смысла, звучные и грозные имена: Огонь-В-Ночи, Первенец, Золотой Барс. Спросите любого кочевника, и он вам подтвердит, что на его родном языке эти имена легко произносятся и очень красиво звучат. Скорее всего ваш собеседник даже не очень поймёт, о чём вы спрашиваете и чем вообще вызвано затруднение. Имена как имена, скажет он, почти такие же, как у людей!

Беда только, не всякий чужеземец сумеет с первого раза правильно выговорить «Мхрглан» или «Чкврнито». И ещё голосом сыграть, где положено и как положено. А выговоришь неправильно – чего доброго, греха будет не обернуться. Либо до обиды дойдёт, потому что «Белоголовый Храбрец» вдруг окажется «Мокроносый Телёнком», либо самого на смех поднимут, тоже не лучше.

Поэтому двух кобелей, поглядывавших друг на друга в нетерпеливом ожидании боя, зрители-горожане между собой называли большей частью просто: Чёрный и Рыжий. Благо один из бойцов был действительно облачён в мохнатую чёрную шубу, отороченную белоснежным мехом лишь на груди, лапах и шее. Второй от носа до хвоста переливался золотом и краснотой осенней листвы. В отличие от соперника, он уродился короткошёрстным, и под шкурой при малейшем движении танцевали крепкие мышцы.

Хозяева, заблаговременно сняв с питомцев ошейники, удерживали кобелей, обхватив их за мощные шеи.

Непререкаемый вскинул руку и коротко повелел:

– Пусть бьются!

Доведись Рыжему с Чёрным встретиться вне Следа, где-нибудь посередине степи или на склоне холма, они вряд ли полезли бы в драку. Такими уж воспитали их люди, поколениями отбиравшие несуетливых, хранящих достоинство кобелей. С кем такому воевать на ничейной земле? Чего ради нападать на собрата, не покушающегося ни на хозяина, ни на его добро?.. Другое дело – Круг! Оба поединщика очень хорошо знали, зачем их сюда привели. Каждый привык считать Круг – своим. И никому не собирался уступать своё право.

Две молнии, светло-рыжая и чёрная, одновременно ринулись навстречу друг другу и сшиблись посередине площадки. Сшиблись – и покатались единым клубком, в котором мало что смог бы рассмотреть самый стремительный глаз.

– Славно начали, – тихо пробормотал Непререкаемый. Его собственный пёс, невозмутимо лежавший у ног, приподнял голову и посмотрел на хозяина, соглашаясь с его словами. Потом потянулся мордой к руке. На его ошейнике свободного места не было от золотых бляшек. А лежал белоснежный красавец на целой стопке пёстрых ковров, вытканых дивными мастерицами Шо-Ситайна. Согласно обычаям страны, такими ковриками, словно попонами, торжественно покрывают победителей великих боёв. Затем коврики до самой старости служат прославленному бойцу ложем, и никто не смеет покупать их или продавать. На них он и умрёт, когда придёт его срок, и на них возляжет в могилу. И люди заплуют того, кто лишит постаревшую собаку заслуженной чести. Пёс Непререкаемого был великим воином своего племени. Его ни разу не побеждали. Седобородый хозяин прекратил выставлять его на бои после того, как другие искатели славы два года подряд отказывались сражаться с ним своих кобелей.

Между тем Чёрный крепко взял Рыжего за толстую меховую складку сбоку шеи – и точным, расчётливым движением опрокинул супротивника навзничь. Тот обхватил лапами голову недруга, отталкивая, стараясь оторвать от себя. Лапы были каждая в мужскую пятерню шириной и наверняка сильнее руки человека.

– Славно бьются! – похвалил один из зрителей, голубоглазый шо-ситайнец, одетый, впрочем, по-городскому. – Видел ты, брат, как он перевернул-то его?

Второй только молча кивнул. Если он и доводился говорившему братом, то разве что названным. Он родился по другую сторону моря, в дремучих веннских лесах, и никакой загар не мог уравнять его белую кожу с тёмной медью коренного кочевника. Лишь на левой щеке, немного ниже глаза, выделялись две родинки.

А подле побратимов на раскладном деревянном стульчике сидела девушка. Единственная девушка среди зрителей. И, помимо Непререкаемого, единственная, кто сидел. Не из-за старости или болезни и не потому, что ей здесь оказывали особый почёт. Просто так было удобней устраивать на коленях дощечку, а на ней – плотные, чуть шершавые листы, сделанные из сердцевины мономатанского камыша. И рисовать на них заточенным куском уголька. Когда уголёк ломался, девушка не глядя хватала другой из маленькой плетёной коробочки. Нет, молодая рисовальщица даже не пыталась запечатлеть какой-то миг боя, вырвав четвероногих единоборцев из стремительной переменчивости поединка. Под быстрыми пальцами на листе возникали разрозненные наброски: мощный изгиб шеи... поджатая лапа... свирепо наморщенный чёрный нос, погружённый в густую гриву врага...

Вечером, дома, девушка размешает гладкое гончарное тесто, и битва благородных зверей начнёт оживать в глиняных фигурках, которые она станет лепить одну за другой. Потом фигурки будут раскрашены и обожжены. Всякий, кто захочет, сможет купить их и сохранить в память о сегодняшнем дне. А если кто-то купит все разом, то, пожалуй, сумеет по памяти выстроить весь ход состязания. Чтобы как-нибудь после, зазвав к себе в гости такого же ценителя и охотника[7 - Охотник – здесь это слово использовано в его старинном значении: «знаток и любитель».] , иметь возможность не просто рассказать ему о знаменитом поединке, но и всё как есть показать.

– Ты смотри, что творят! – вновь воскликнул разговорчивый шо-ситайнец. – Канкиро, да и только. Ты видела, Мулинга? – И заговорщицки улыбнулся. – Если вдруг что пропустишь, мы с Волком для тебя потом повторим...

Девушка кивнула ему, не прекращая работы. Её ресницы быстро сновали вверх-вниз – взгляд обращался то на сцепившихся псов, то вновь на рисунок. Ей не мешали ни крики зрителей, ни утробный рык кобелей, временами подкатывавшихся едва не к самым ногам. Рыжий отнюдь не сдавался, но по-прежнему почти всё время был на земле. Если ему удавалось встать, Чёрный мгновенно перехватывал поудобнее его многострадальную шею и всё тем же обманчиво-неторопливым движением вновь опрокидывал Рыжего навзничь. При этом он не просто стоял над поваленным, удерживая и не давая подняться. Он ещё и немилосердно трепал его, возя и мотая туда-сюда по крепко утопанному Кругу. Любой, кто хоть что-нибудь понимает, мог с первого взгляда оценить – силаща для такого мотания требовалась невероятная. Каждый кобель весил уж никак не меньше взрослого мужчины. Попробуй-ка потаскай такого. И в

особенности когда он обмякает и вытягивается, повисая мешком. Да при чём тут мешок! Обвисшее тело много неподъёмней мешка, вроде бы такого же по весу. Кому случалось таскать одно и другое – не позволит соврать.

Тем временем по дальнюю сторону Круга Ригномер Бойцовый Петух переходил от одной кучки зрителей к другой, с кем-то здороваясь и пересмеиваясь, кого-то по обыкновению задирая. Завсегдатаи боёв могли бы порассказать, что в былые времена, когда Ригномера в городе знали похуже, дело, случалось, доходило и до драк, ибо забияка-сегван особенно охоч был поддевать родичей и друзей хозяев собак, как раз сошедшихся на Кругу. Кулачных сшибок Ригномер не боялся, даже наоборот, весьма радовался удамой молодецкой потехе и редко таил зло против какого-нибудь местного силача, выбивавшего ему очередной зуб. Тут надобно пояснить, что добрые тин-виленцы сами знали толк в охотничьих рукопашных забавах, так что желающий схлестнуться на кулаках отказа, как правило, не встречал. Но – стоит ли отвлекаться мелкими сварами от благородного зрелища храбрых собак, состязающихся в крепости духа и мышц?..

Определённо не стоит.

А для кого честь и красота суть пустой звук, тот пускай убоится. Безлепию на пёсьих боях не бывать!– так сказал Младший Брат великого Сонмора, ночной правитель славного города. Кто такой этот Брат и его Младшая Семья, властвовавшая в ночи, когда кончанские старцы укладывались почивать, – в Тин-Вилене не спрашивали. Не потому, что не принято было спрашивать. Просто – и так все знали.

По этой причине, между прочим, Ригномер Бойцовый Петух возле Круга злословил дерзновенней обычного. Понимал, что навряд ли удостоится немедленного отпора. Зато после!.. Уж то-то будет что друг другу припомнить! И в особенности после восьмой кружечки пива!..

Однако сегодня люди, лучше прочих знакомые с норовом Ригномера, обращали внимание, что вид у сегвана был необыкновенно значительный. Ну ни дать ни взять проведаль некую тайну, о которой простым смертным подозревать-то не полагалось. Проведаль – и собрался её обнародовать в самый неподобный момент, дабы вернее всех ошарашить. Опытные тин-виленцы по достоинству оценили движение, которым он крутил и дёргал усы, и поглядывали на

Ригномера со смешливым любопытством. Забияку с Островов в городе не сказать чтобы любили, но не питали к нему и особенной неприязни. Как ни крути – без подобного рода людей оказывается скучновато. Что-то у него на уме в сегодняшний раз? Собаку достал какую-нибудь необыкновенную и собрался нежданно для всех выпустить в Круг?..

Пока вроде бы к тому всё и шло.

– Вы здесь, в Шо-Ситайне, ни Хёгговой чешуйки не смыслите в настоящих боях! – приглушённо, дабы не навлечь ненужного недовольства, доказывал он почтенному вельху, корчмарю Айр-Донну. – Тошно смотреть, как эти твари, которых вы по ошибке называете боевыми собаками, мусолят друг друга за шкурки. Вот у нас, на Островах, как сойдутся, так уж сойдутся! Покуда кишки один друг другому не вырвут, нипочём не разнимешь!

«Коли тошно смотреть, так и не смотри. Да другим удовольствие не порти», – мог бы сказать ему Айр-Донн. Но он не зря был добрым корчмарём. Он ответил сегвану вежливо:

– Прости, уважаемый, если я чего-то не понимаю. Сам я на Островах никогда не бывал и, милостью Трёхрогого, никогда туда не поеду, ибо я веду свой род из тёплых земель и навряд ли вынесу непрерывный мороз, царящий во владениях твоего племени. Но я слышал от опытных и заслуживших всяческое доверие путешественников, будто у себя на родине вы разводите крепконогих лаек, чтобы они таскали по снегу саночки с людьми и поклажей...

– Это так, – важно кивнул Ригномер. – Ну и что?

– Так не объяснишь ли ты мне, каким образом сумеют, скажем, шесть ваших лаек сообща тянуть сани, если они только и думают, как бы в брюхе друг у дружки пошарить?

Сегван расхохотался до того громко и весело, что было слышно даже сквозь рык кобелей, сцепившихся на Кругу, и возгласы зрителей, стремившихся подбодрить бойцов.

– Это верно, корчмарь! Тебе не откажешь в осведомлённости! Радостно, что даже и этой Богами забытой дыры достигла слава наших ездовых псов. Но когда

длиннобородый Храман создавал здешний уголок мира, Он, верно, успел уже утомиться. Оттого Он не пожелал, чтобы здесь обитали воистину крепкие да грозные люди и звери! Овечьи пастухи Шо-Ситайна называют своих псов волкодавами, но, поверь мне, тутошняя собачня даже издали не видала настоящего волка! Те, которые бегают здесь по степи, это, чтобы хуже не сказать, не волки, а сущая мелюзга! Их сравнивать с Истинным Зверем, вправду заслужившим название волка, – что салаку равнять с зубастой форелью! Понимаешь, о чём я толкую? Те премудрые землепроходцы хоть раз говорили тебе, вельх, про волков с наших северных побережий?.. Чтобы такого одолеть, потребны не корноухие шавки с вашего Круга, но истинные бойцы, усердные и бесстрашные в схватке! Такие, которые рождаются только у нас! «Достойные имён» – вот как мы их называем!

Выпалив единым духом столь длинную речь, Бойцовый Петух гордо разгладил густую русую бороду. Он глядел победителем, но Айр-Донн, нимало не смутившись, только пожал плечами. Он сказал:

– Пастухи рубят щенкам уши и хвосты, чтобы не мог схватить враг и не цеплялись мерзкие колючки, раздражающие тело. Но, поверь мне, это никого не делает шавками. И осмелюсь напомнить тебе, господин мой, что в степях Шо-Ситайна водятся не только волки, показавшиеся тебе мелковатыми... Видишь пса, в чьём меху греет ноги Непререкаемый? Его кличка Тхваргхел, сиречь Саблезуб. Ему ещё не исполнилось года, когда к стаду подобралась гиена, охочая до нежных ягнят. Но стадо стерегли чуткие псы, и гиена отправилась дальше, туда, где, как ей показалось, ждала добыча полегче. Она унюхала палатку, а рядом с палаткой... Видишь там, в Кругу, юношу, облечённого достоинством Младшего Судьи? Это самый последний сын Непререкаемого. Тогда он был совсем маленьким мальчиком. И гиена отважилась напасть на него, поскольку щенок, игравший с мальчиком, не показался ей противником, которого стоило бы опасаться. Но Тхваргхел встал у неё на пути! Когда прибежал хозяин и с ним матёрые приотарные псы, он лежал страшно израненный, но не выпускал задушенную гиену. Задушенную! А ему, повторю тебе, тогда ещё годика не исполнилось. И надо ли говорить, что мальчик, которого он защитил, не получил даже царапины... Ну, то есть я совсем не желаю приуменьшить доблесть и достоинство твоих островных псов. Я не знаю и не желаю знать, что за чудовищ рождает ваша скованная льдами земля, но нисколько не сомневаюсь, что уж с гиеной-то «достойные имён» совладали бы без труда. И не только кобели, но даже и суки...

Люди, стоявшие поблизости, позже с удовольствием рассказывали знакомым, что Ригномер испытал пусть кратковременное, зато самое настоящее замешательство. И то верно! Вежливый корчмарь вряд ли богател бы год от года, как это до сих пор у него получалось, если бы не умел должным образом разговаривать с такими вот Ригномерами и ещё с кем похуже. И улыбаться им так, чтобы не дать никаких поводов для обиды. Да при всём том от своего не отходить ни на пядь.

Что же касается гиен, то полосатые шкуры время от времени вывешивали на торгу. Люди, приходившие на торг в сопровождении домашних собак, старались обходить шкуры подальше: даром ли говорят опытные охотники, будто пёс, наступивший на тень гиены, разом лишается и смелости, и чутья! Ростом и весом такая зверюга нимало не уступит матёрому кобелю местных пород, а силой челюстей, пожалуй, и превзойдёт. Заявить этак небрежно, что, мол, некий пёс брал гиен дюжинами, – людей насмешить.

Однако Ригномер не зря звался Бойцовым Петухом. Все знают, каковы эти петухи. Окати водой из ведра – отряхнулся и снова хоть сейчас в бой. Сегван тут же высмотрел у края площадки троих молодых парней и двинулся к ним, бормоча как бы про себя, но достаточно громко, так, чтобы слышал народ:

– Вот наконец-то собаки, которые хоть в хвосте упряжки, но смогли бы бежать.

Псы, привлёкшие его внимание, в самом деле отличались от степных волкодавов не меньше, чем их хозяева – от примелькавшегося глазу тин-виленского люда. На земле растянулись пушистые белые звери, чей вид рождал невольные мысли об ослепительно чистых горных снегах. Они лежали у хозяйских ног, не удерживаемые ни ошейниками, ни поводками, роскошные и неколебимо спокойные, уверенные в себе, друг в друге и в людях, связанных с ними святым правом крови. Люди – трое молодых горцев с Заоблачного кряжа – следили за поединком, ещё длившимся на Кругу, без видимого любопытства. А псы их – так и вовсе со скукой.

– Славные малыши, – подойдя, похвалил собак Ригномер. И обратился к горцам: – Отчего вы, ребята, не выставите их на бой?

Ответил самый младший из троих, казавшийся ещё и самым светлокожим. «Полукровка!» – презрительно определил про себя Ригномер.

– Отец Небо создал утавегу, наказав им быть нашими братьями, – проговорил светлокожий на неплохом нарлакском: эта молвь была в Тин-Вилене наиболее употребительна. – А у нас не принято мужчине посылать брата драться вместо себя, чтобы доблесть одного возмещала недостаток мужества, свойственный другому.

– Я понял, – засмеялся Ригномер. – Вы боитесь, что здешние бойцы попортят вашим собачкам белые шкурки, а матери отстегают вас потом за ущерб?

Это было уже чистой воды злословие, ибо у троих молодых горцев висели на поясах кинжалы с рукоятями, выложенными бирюзой: знак мужества, испытанного в бою. Конечно, мать в своём праве – вольна и ремешком вытянуть детище, будь сын хоть вождём. Но лишь последний дурак станет над этим смеяться, да ещё вслух. А название «утавегу» переводилось на языки окрестных народов как «белые духи, приносящие смерть», и три пса, лениво дремавшие на земле, по виду вполне соответствовали своей славе.

Один из двоих горцев, постарше, сдержанно проворчал нечто неодобрительное, и светлокожий, оглянувшись, перевёл:

– Что касается псов, мой брат советует тебе взять дорогой серебряный кубок и пойти заколачивать им гвозди. А потом с презрением выбросить испорченное сокровище, говоря, что оно никуда не годится против обычного молотка.

Третий, рослый, с цветными шнурками в волосах – знак недавней женитьбы, – неторопливо добавил по-нарлакски:

– И что ты взялся чужими собаками распорядиться, сегван? Купи себе пса и вытвори всё, на что совести хватит...

– Отчего ж не купить? – подбоченился Ригномер. На нём была хорошая рубашка из тонко выделанной кожи и сине-полосатые штаны, заправленные в сапоги с кисточками. – И куплю! Вот хоть ваших. Не столь хороши они, как мне бы хотелось, да ладно уж. Как у нас говорят, на безрыбье и баклан рыба. По две овцы серебром за каждого! Ну?.. Всё равно больше вам никто не предложит!

Вот этого ему определённо не следовало говорить. Ой не следовало. Нет, оскорблённые горцы не станут накидываться на обидчика с кинжалами. Тех, кто

так поступил бы, итигулы отказывались признавать за мужей, достойных называться мужами. Просто Ригномер в пылу бахвальства забыл о своём промысле. Не в пример разумному и рачительному Айр-Донну, всего пуще боявшемуся отворотить посетителей от порога «Белого Коня». Так вот, последние года три итигулы были нередкими гостями на обильном тин-виленском торгу. Они привозили дары своего околзвёздного края – муку из земляного яблока, придававшую неповторимый вкус хлебу, и ещё удивительно тёплые, но притом тонкие, словно шёлк, красивейшие ткани из шерсти горных козлов. Это совсем особая шерсть. Такую не достать нигде на равнинах, да и в горах она – немалая редкость. Рогатые скакуны по кручам теряют её, почёсывая шеи о кусты и шершавые камни. Не одни сапоги стопчешь на скалах, собирая крохотные, уносимые ветром клочки, покуда набьёшь хоть малый мешочек! Горцы, однако, занимались этим из поколения в поколение, ибо награда за труды и опасности ожидала немалая. Столь мягкого и невесомого пуха не нащипать ни из шубы прирученного козла, ни из шкуры добытого. Ясно, что цена итигульских тканей опять-таки мало не доставала до звёзд. Купцы тем не менее их отрывали с руками и спешили увезти через море – аррантским и халисунским вельможам, ко двору солнцеликого саккаремского шада. Возил и Ригномер... прежде возил. Мог бы и дальше возить. Но – вырвалось неуклюжее слово, и, надобно думать, отныне достанутся ему дивные ткани разве что через перекупщиков. То бишь втридорога. Какая месть более уязвит человека, привыкшего всё мерить на серебро?..

И тут прозвучал дружный крик зрителей, безотрывно следивших за поединком псов на Кругу. Все оглянулись – даже те, кто успел отвлечься от схватки, показавшейся скучной, и заняться другими делами. А не зря говорят завсегда и собачьих боёв: смотри в оба, не то всё и произойдёт именно тогда, когда ты отлучишься по нужде!

Грозен и нешуточно могуч был Чёрный кобель, многими между собой уже загодя названный победителем. Но даже и он в конце концов притомился, таскавши Рыжего плашмя по всему Кругу. Вот он утвердился посередине и надумал позволить себе краткую передышку, а заодно перехватить супротивника пожёстче, так чтобы уж теперь-то точно его додавить и вынудить сдаться...

Ан не тут-то было! Хитрован Рыжий, сумевший сберечь вполне достаточно сил, улучил миг и взметнулся с земли мощным и гибким движением охотящейся змеи, наконец-то подкараулившей дичь!

И железной пастью сгрёб соперника за основание уха!

Некоторое время Чёрный отважно терпел его хват, но истинные знатоки уже видели, что он проиграл. И точно. Пустив эхо гулять по склонам Следа, над Кругом взлетел жалобный лай. Это кричал Чёрный, сдаваясь и моля о пощаде.

Уж на что закалён и крепок на боль степной волкодав, а и его выносливости положен предел. Не зря-таки режут хвосты и уши щенкам заботливые хозяева-пастухи! Вырастет пёс – и хоть палкой его колоти, хоть пинай сапогом, хоть зубами трепли за толстую шкуру, он не подаст голоса, не пожалуется, только озлится. Но если ухватят его за хвост, за вислое ухо или, вот как сейчас, за корень обрезанного – и всё, и злые враги непременно добьют бедолагу, пока он беспомощно вертится и визжит, и пелена страдания застилает ему глаза.

Однако в жилах четвероногих бойцов Шо-Ситайна течёт благородная кровь. Стоило Чёрному окончательно прекратить сопротивляться, и Рыжий расцепил челюсти, выпуская побитого. Но Чёрный слишком привык побеждать. Исчез стиснувший ухо капкан, и пёс счёл, что рановато признал себя побеждённым. Рыжий уже вытряхнул пыль из шкуры и, гордо приосанившись, направился прочь. Через Круг спешили хозяева – разводить псов. И тут-то Чёрный с рыком кинулся вдогон победителю!

Непререкаемый досадливо покачал головой и приподнял с колен свой жезл – передать сыну, чтобы тот просунул его между зубами Чёрного и остановил бой, грозивший превратиться в никчёмную драку...

Хвала Отцу Небу – не понадобилось.

Ощувив сзади движение забывшего о вежестве противоборца, Рыжий так оборотился навстречу, что Чёрный мигом уразумел: нынешний проигрыш достался ему поделом. И пёс замер, остановившись в каких-то пядях от разгневанного победителя.

Отточенный уголёк в пальцах Мулинги так и сновал над шероховатым листом...

Несколько долгих мгновений кобели стояли друг против друга, как два изваяния. Потом Чёрный медленно-медленно отвернул голову, виновато

подставляя сопернику незащищённую шею. Где в ней находится яремная вена и куда следует пырнуть клыком для немедленного убийства – оба знали с рождения.

Рыжий сделал шаг, и это движение было исполнено истинного величия. Его морда нависла над холкой неподвижного Чёрного. Я победил, говорил весь его вид. Я сильнее, и тебе со мной не равняться! Понимаешь ты это?

Понимаю и признаю, точно так же без слов, но вполне внятно отвечивал Чёрный. Ещё миг, и Рыжий, отвернувшись уже окончательно, легко побежал навстречу хозяину. Тот припал на колени – скорее обнять любимца. На белой шее кобеля не было ни крови, ни ран, лишь склеила густую шерсть чужая слюна.

Сегван Ригномер, увлечённый, как и все, неожиданным окончанием поединка, повернулся туда, где только что стояли его собеседники-итигулы. Но если он думал возобновить с ними разговор насчёт продажи собак, то его постигло разочарование. Горцы не стали дожидаться новых притязаний Бойцового Петуха и ушли. Три хвоста, три пушистых белых султана покачивались уже в отдалении – недостижимые для корыстолюбца, словно снега священного Харан Киира, кои смертным заповедано попить.

– Тьфу! – плюнул в сердцах Ригномер. Знавшие его подтвердили бы, что на сей раз он не просто по обыкновению вольничал, а был не на шутку взбешён. – Взять уйти от меня! Ну, я вам покажу, сопляки, что такое Истинный Зверь!

* * *

Шо-ситайнец Винойр подтолкнул локтем в бок молчаливого побратима:

– И отчего тебе не по сердцу наша забава? Ты же сам мне рассказывал, каких славных псов растят кое-где в ваших чащобах. Я и то удивляюсь, почему вы у себя не устраиваете подобной потехи?

А я, молча проворчал Волк, поистине удивляюсь, что это ты так веселишься. Щебечешь, ну прямо жаворонок над полем. Всем весело, один я удавиться готов...

И то правда. Мало поводов для веселья, когда два названных брата ночей не спят, вздыхая по одной и той же девчонке. Злая и опасная штука любовь! Самую крепкую и верную дружбу способна она отравить, обратить в ненависть и вражду... И вот, дабы не произошло между ними подобного, не далее как седмицу назад Волк с Винойром наконец-то обо всём поговорили начистоту, как достоин мужам. А потом кинули жребий, испрашивая у Хозяйки Судеб, кому из двоих остаться в городе и дальше ухаживать за Мулингой, а кому – собираться прочь, иного счастья искать. Жребий указал Волку остаться. А Винойру – укладывать перемётные сумы и седлать жеребца.

Оттого сегодня были два побратима особенно друг другу близки. Оттого на душе у венна царапались свирепые лесные коты. А Винойр едва не плясал, видно радуясь прекратившейся неизвестности.

Может, он Мулингу не так уж сильно любил?..

Он никак не желал позволить Волку отмолчаться:

– Или ваши волкодавы оскудели вместе с родом Серого Пса, который положил им начало?..

Отчаянные были это слова, ибо затрагивали в сердце венна ещё одну неисцелимую рану. Волк, впрочем, не переменялся в лице.

– Тут ты не прав. Собаки не перевелись. Просто у нас не видят смысла стравливать их между собой.

И род, возрадивший нашу породу, тоже напрочь не перевёлся, добавил он про себя. ПОКАМЕСТ не перевёлся...

– Но неужели, – упрямо допытывался Винойр, – вам не любопытно сравнить кобелей и узнать, который сильнее?

Венн хмуро передёрнул плечами:

– А на что? Силой они и так меряются вдосталь, когда спорят за суку. Только в поединке с Лесным Охотником мало проку от такой доблести...

Винойр притворно задумался:

– Это как?

– А ты видел когда-нибудь, как Лесной Охотник бьётся с собакой? – Его побратим не заметил притворства. – Он не силой тягается, он стремится убить! Он пускает в ход боевые приёмы, которые никогда не использует против сородича, даже во дни ревности и любви! И собака не борется с ним, как со своим тут на Кругу, а грызётся, оставив всякое благородство!.. Не как воин с достойным воином, а как головорез в переулке!.. – Перевёл дух, помолчал и хмуро закончил: – Здешних победителей на волка пускать, что ярмарочного силача, который воз кирпичей поднимает... против нашего Наставника вынудить драться.

...О-о! Это был, без сомнения, всем доводам довод. Дождаться от Волка упоминания о Наставнике – дорогого стоило. Больше ничего особенно нового Винойр, выросший в степи, от него не услышал, но обрадовался хоть тому, что наконец разговорил друга, развеял угрюмое молчание, коим тот со вчерашнего вечера отгородился от всего белого света. Винойр собрался ещё немножко поддеть Волка и уже открыл рот говорить, но тут на Кругу появилась новая пара поединщиков, и Винойр сразу забыл старательно приготовленные слова.

Волк же, собиравшийся ещё что-то запальчиво доказывать побратиму, нетерпеливо повёл глазами, высматривая, что могло отвлечь его от беседы... но сам увидел бойцов, стоявших по разные стороны Круга, – и тоже начисто запамятовал, про что у них с Винойром шёл разговор.

Ибо на широкой площадке перед ним стояла Судьба.

В предыдущей паре сравнивали своё искусство ровесники. Здесь один из кобелей был гораздо старше другого. Тёмно-серый от рождения, он успел нажать седину, густой серебристой маской украсившую его морду. Он был очень лохмат, что вообще-то считалось мало свойственным племени степных волкодавов. Он выглядел не намного моложе самого Тхваргхела, невозмутимо взиравшего с возвышения. Может статься, этим двоим в своё время не довелось сойтись в поединке лишь оттого, что хозяин серого жил в очень уж глухом и удалённом углу шо-ситайнской степи. Этот человек даже не помышлял прославиться на боях в Тин-Вилене, пока в нынешнем году его не выманила захватившая в гости родня. Так вот и получилось, что матерущий кобель в самый

первый раз стоял на Кругу. Чёрный влажный нос усердно трудился, вбирая запахи незнакомого места. Потом пёс не спеша поднял заднюю лапу – и окропил, помечая, утоптанную ногами и лапами землю: Моё!

Знатоки, лишь теперь получившие возможность оценить его могучую статью, одобрительно шумели. Кто-то уже бился об заклад, загадывая о победе.

А кличка пса тоже была непроизносимой для чужих уст, и потому люди успели дать ему почётное прозвище: Старый.

Тут, наверное, надо пояснить для тех, кто совсем не знает нарлакского. В этом языке есть много разных слов, понимаемых нами как «старый». И одни из них действительно значат «преклонный годами», «немогущий», «дряхлый». А другие, наоборот, – «испытанный», «превосходный», «лучший из лучших».

Такой вот «лучший из лучших», весьма далёкий от старческой дряхлости, и стоял теперь на Кругу, щуря жёлтые глаза и всем видом своим являя несуетное мужество. Такое, которое мало чести доказывать по пустякам, но если вынуждают – можно и доказать, и пусть тот, кто его к этому вынудил, пеняет потом на себя.

Винойр уже видел этого бойца несколько дней назад. Он шёл в крепость через окружавшие Тин-Вилену обширные яблоневые сады, и навстречу ему выехал мальчик на мохноногой лошадке. Мальчик ехал не торопясь и вёл на поводке некрупную, ничем особо не примечательную пятнистую суку. А рядом с ней безо всякой привязи бежал здоровущий кобель. «Что же ты, парень? – поинтересовался любопытный Винойр. – Ласковую привязываешь, а на свирепого даже ошейника не накинешь?» – «А он от неё никуда, – охотно пояснил мальчик. – Без неё даже и со двора не пойдёт!»

Пятнистая и теперь сидела за чертой Круга, и тот же самый мальчишка держал её поводок. Псица улыбалась, вывалив из пасти язык. Кажется, за супруга своего она несколько не волновалась.

Непугливый соперник Старого был удивительной масти. Густой белоснежный подшёрсток, чёрная блестящая ость. Этому псу, прозванному Молодым, навряд ли сравнялось два года, он выглядел неудержимым, стремительным и опасным, точно стальной клинок. Он натягивал крепкий плетёный ремень, клокоча

бьющим через край азартом и благородным нетерпением поскорей схлестнуться с соперником. Хозяин едва удерживал пса. Молодому случалось уже побеждать, он не ведал страха и сомнения перед поединком и умел терпеть боль, платя за победу.

И венн, глядя на этих двоих, внезапно ощутил, как тускнеет и отодвигается прочь вещественный мир. О Повелитель Грозы, чей гром ликовал над этой землёй третьего дня!.. вознёс он неслышимую, но полную бешеной надежды молитву. И ты, сивогривый Прародитель моего племени!.. Да станет нынешний бой, что бы он ни принёс, предзнаменованием о моей участи! Да пребудет нить моей судьбы с Молодым!.. А моего Наставника – с тем другим...

Боги, как водилось у Них в обычае, промолчали. Вот уже скоро двадцать три года жил на свете Волк, но как же нечасто Они прямо выказывали ему Свою волю!.. Так и ныне... Ну хоть чайка, кружась, «капнула» бы ему на рубаху: ты услышан, внемли!.. Он ощутил, как стиснула сердце мальчишеская обида. Это после его-то молитвы, всей силой души брошенной в небо! Неужели и в этот раз он не дожждётся ответа?.. Вот не захочет биться один из псов, и поединка не будет! Здесь ведь никого насильно драться не заставляют и к противнику не подталкивают... Или в последний миг смалодушничает чей-то хозяин и уведёт кобеля, сочтя противоборца слишком опасным...

...А может, ему, коли он с такой отчаянной страстью загадывал, следует воспринимать как знамение всё, могущее сопутствовать этому бою? Не терзаться, ответили или нет ему Боги, а просто всё, что дальше случится, считать Их ответом?..

Пожалуй, до сего дня Волку лишь однажды довелось близко соприкоснуться с волей Небес. И тоже, между прочим, явленной при обстоятельствах, ну никак не способствовавших радостному ожиданию чуда. Был ничем не примечательный, тихий и солнечный вечер в коренном материковом Нарлаке, и он, Волк, ещё никакого понятия не имел, что ему вскорости предстояло отправиться через море на запад. Да и она совсем не выглядела провидицей – пожилая, бедно и плохо одетая женщина с добрым лицом, полоскавшая что-то в омутке сонной речушки. Она подняла голову и посмотрела на него из-под руки, потому что он подошёл против света, и Волк смутился, не зная, как приветствовать женщину. Он тогда совсем не говорил по-нарлакски, а она, как он успел решить про себя, вряд ли понимала сольвеннский, не говоря уж о веннском. И он молча

поклонился, как это приличествует мужчине, встретившему почтенную чужеземку.

«Поздорову тебе, сын славной матери», – огорошила она Волка, совершенно неожиданно обратившись к нему на веннский лад.

«И ты здравствуй, мать достойных детей...» – ответил он в замешательстве.

«Как верно ты говоришь о моих сыновьях, маленький Волчонок! – заулыбалась женщина. И доверчиво продолжала: – Я вижу, ты пришёл издалека. Скажи, не встречал ли ты их где-нибудь по пути?»

До него потом только дошло, что ей, обязанной своим рождением неведомо какому народу, вряд ли полагалось бы знать веннское обхождение, а знаки его рода и подавно. Но это он как следует обдумает много позже, уже качаясь на палубе тростниковой лодьи вместе с чернокожими мореходами. А тогда он лишь растерянно прокашлялся и ответил:

«Если ты поведаешь мне, почтенная госпожа, как выглядят твои сыновья или как их зовут, я смогу рассказать тебе, встречал я их или нет...»

«Стало быть, – без видимого огорчения рассудила она, – ты их не встречал. Если бы ты встретил их, ты бы их сразу узнал».

Тут Волк начал понимать, что разговаривает с сумасшедшей. Должно быть, сказал он себе, эти самые сыновья сгинули от болезни или от вражеских рук, а мать, оплавав ненаглядных, тихо повредила в уме. И убедила себя, что на самом деле дети вовсе даже не думали умирать, а просто отправились в дальнее-дальнее странствие и непременно вернуться, стоит лишь ещё чуть-чуть подождать...

Женщина оставила бельё, которое полоскала, и стала тяжело подниматься с колен, и Волк подал ей руку. Она ласково улыбнулась и накрыла его руку своей, маленькой и морщинистой:

«Как хорошо, что в нынешнее время, оказывается, ещё не перевелись почтительные дети! Многие ли заберутся в эту даль только ради того, чтобы

утешить мать известиями о сыне? – И добавила, хитровато глядя на него снизу вверх: – Хотя, правду молвить, братишка твой чаще огорчал её, нежели радовал...»

И Волк увидел, что добрые глаза той, кого он посчитал за деревенскую дурочку, были мудрыми и совершенно бездонными. Нет, он не испугался, просто в глубине живота начали расползаться тонкие ниточки холода. Он запоздало сообразил: она говорила не о себе, а о его собственной матери. И о клятве, которую он дал ей, отправляясь в дорогу. Женщина продолжала:

«Ты пойдёшь отсюда в город Кондар, маленький Волчонок. И сядешь в гавани на корабль».

Волк лишь моргал, а женщина рассуждала спокойно и неторопливо, как о решённом и не подлежащем отмене.

«Только не ходи к арранту Сарногу, потому что он слишком жаден до чужих денег и не брезгует облапошивать легковерных. И к вельху Мал-Гру не ходи, потому что у него на корабле всюду чешуя и даже паруса тухлой рыбой пропахли. И к сегвану Кириноху тебе незачем обращаться, потому что он разобьётся около Каври. Тебя отвезёт в Тин-Вилену Шанака, мономатанский купец. Он неплохо говорит по-сольвенски, так что вы с ним сумеете объясниться. И он не возьмёт с тебя дорого, поскольку ему на корабль как раз нужен повар, а ты умеешь готовить вкусные щи...»

Венн, лишь недавно впервые увидевший море и ни о каких плаваниях даже отдалённо не помышлявший, только и придумал спросить:

«А скажи, почтенная, где она, эта... как ты её назвала... Тин-Вилена? И что мне там делать?»

«Это город по ту сторону Западного океана, на материке, лежащем дальше Аррантиады, – спокойно пояснила сумасшедшая. Так спокойно, как если бы речь шла о поездке к родичам за два дня пути. – В этом городе ты встретишься с братом, которого разыскиваешь. Только не такова окажется ваша встреча, как ты себе представляешь. И придётся тебе ещё потрудиться, чтобы отличить мнимых братьев от истинных...»

Сколько раз с тех пор Волк вспоминал давний разговор на берегу дремотной речушки. Весь, слово за словом!

Да. Мы испрашиваем знамения у Богов и готовы роптать, если нам кажется, будто Небо медлит с ответом. А когда Боги глаголят ясно и внятно, мы опять недовольны. Ибо толкование, которое любезно нашей душе, далеко не всегда совпадает с тем, что в действительности готовит завтрашний день...

* * *

Тем не менее бой начался так, как даже в самой дерзкой мечте не решился бы вообразить Волк. Вот хозяева спустили питомцев... и Молодой бросил себя вперёд с такой свирепой стремительностью, что толпа зрителей отозвалась восхищённым вздохом. Старый – мудрено ли! – чуть-чуть опоздал взвиться навстречу. Кобели гулко сшиблись в воздухе посередине прыжка, в полусажени от земли... и перекувырнулись, увлекаемые разгоном Молодого. Приземлились они порознь, почти в том самом месте, откуда брал разбег Старый.

«Неужели?.. – стучала в висках венна одна-единственная мысль. – Неужели это вправду знак благосклонности Богов и у меня в поединке всё тоже сложится именно так?..»

Он жаждал и не решался поверить...

Разочарованный голос Винойра, прозвучавший рядом, нарушил его восторженное созерцание. Почему-то Волка мгновенно окатило холодом, как бывает, когда оказываешься лицом к лицу с непоправимым и понимаешь это нутряным чутьём, верней и быстрее осознанного разумения. Волк ощутил, как по спине разбежались мурашки, но всё же заставил себя спокойно спросить:

– Никак болеешь за Старого?

– Да нет, – ответил шо-ситайнец. – Скорее уж за Молодого. Из него, пожалуй, может выйти большой победитель.

– А из Старого?

– Из Старого – нет. Он же бьётся только потому, что какой-то нахал вздумал бросить ему вызов. Он вернётся домой и думать забудет про Круг. А Молодому здесь ужас как нравится. Ему, я думаю, и по ночам битвы снятся. Жаль только – щенок ещё, совсем драться не выучился...

Волк стоял точно политый зимней водой из колодца, чувствуя, как деревенеют и перестают слушаться губы.

– Почему? – услышал он собственный голос и подивился его невозмутимости. – Этаким ударом быка можно на колени поставить!

– Вот пускай бы он быков с ног и валил. А чтобы здесь хорошо биться, надо сразу метко хватать и держать насмерть! Зубы-то у него, спрашивается, зачем? Для красоты одной?

Волк промолчал. Он прислушивался в себе и с отстранённым удивлением понимал, что ему было страшно. Это был самый настоящий страх, подобного которому он давно уже не испытывал – и думал, дурак, что нескоро впредь испытает. Третьего дня, когда прямо перед ним на улицу из харчевни вывалились подвыпившие корабельщики и вздумали намять ему холку за то, что недостаточно проворно убрался с дороги, – он их не испугался. Наоборот, он их почти пожалел. Глупые простецы, привыкшие видеть не истинный облик мира, а его отражение в хмельной кружке!.. Волк даже не запомнил, сколько их было. Да что толку считать? Он всем им шеи мог бы переломать прежде, чем они сообразили бы, что происходит. Мог бы. Он их пальцем не тронул. Первого налетевшего он отправил катиться кувырком под забор, ещё двое, разом устремившиеся к нему, запутались друг в дружке, следующий шлёпнулся на задницу и, впав в задумчивость, остался сидеть... и так далее. Они налетали, размахивая кто кулаками, кто и ножом, а он, даже не ускоряя дыхания, валял их по земле, закручивал волчками, устремлял носом в пыль... Пока наконец корабельщики не начали хохотать, не спрятали вытащенные сдуру ножи и не пригласили его с собой обратно в харчевню. Он тоже посмеялся, пожелал мореходам доброй пирушки и отправился дальше... И подумал про себя: вот бы видел Наставник – небось даже и он не нашёл бы, в чём его упрекнуть...

Ох, Наставник... «Почему я так боюсь? Чего, спрашивается? Ну, убьёт – так всем нам когда-нибудь умирать...»

До него постепенно доходила причина овладевавшего им страха. Мы все пугаемся неизвестности. Если бы не пугались, стал бы кто гадать о своём будущем и идти на поклон к мудрецам, способным провидеть судьбу! Но если вдуматься – тем и хороша неизвестность, что таит в себе массу разных возможностей. Непроросшие всходы семян, ещё не брошенных в землю. И всегда есть надежда что-нибудь изменить впереди, там, во тьме ещё не случившегося. Совершить поступки, могущие приманить лучшую долю. Воздержаться от деяний, способных устремить цепь событий к горестному исходу...

Но если всё заранее predetermined и ты это знаешь? Не страшнее ли чувствовать себя осуждённым, которого ведёт к плахе палач, – приговор оглашён, и его не изменит ничто, никакое усилие твоего духа, никакое напряжение тела... Что бы ты ни сказал, что бы ни сделал – лишь виднее становится мёртвое сияние топора, ждущего впереди... Зачем тогда всё? Зачем слова и поступки, зачем размышлять о Зле и Добре, делать выбор и сомневаться в его правильности, если от этого всё равно ничего не зависит?.. Если Хозяйка Судеб уже выпряла нить и занесла острые ножницы и ты доподлинно знаешь, сколько витков осталось крутиться веретону?..

Страшна неизвестность, но predeterminedность – хуже стократ. Поняв это, Волк рад был бы вернуть унёсшуюся молитву. Но этого, как и вообще способности вернуть слово, слетевшее с языка, не дано никому.

Или он утратился predeterminedности только потому, что она, по мнению Винойра, ничего хорошего ему не сулила?..

...А поднявшиеся псы схлестнулись вдругорядь уже не столь бешено. Наскочив один на другого, просто поднялись на дыбы, покачиваясь и борясь в стойке на широко расставленных задних лапах... Впрочем, «просто» – так сказал бы лишь тот, кто ни разу не видел подобной борьбы собственными глазами. А кто видел, тот знает, что, вздыбившись свечкой, степной волкодав на голову превосходит взрослого немаленького мужчину. Скребнут пыль мощные задние лапы, упираются, бьют тупыми когтями передние, хрипят и ловят чужое движение клыкастые пасти, разинутые столь широко, что, кажется, вовсе не положено собачьей пасти так раскрываться...

Псы вертелись, и вышло, что Волк встретил взгляды обоих. Глаза Молодого искрились удалью и свирепой уверенностью в близкой победе. Глаза Старого... Вот тут Волк понял, что Винойр был тысячу раз прав. Матёрый, украшенный сединой кобель не ярился, не подстёгивал себя кровожадным злым рыком. Он был очень спокоен. Он без суеты отражал стремительные наскоки соперника, в котором наверняка распознал недавно взматеревшего щенка. Старый был вполне уверен в себе и попросту ждал, чтобы Молодой сделал ошибку, как-то открылся. Или постепенно выдохся, плясавши-то на задних лапах, – тяжкая трата сил для всякого пса. И вот тогда Старый преподаст ему урок, отучая от излишней самонадеянности. Доходчивый и весьма жестокий урок...

Непререкаемый молча смотрел на них со своего возвышения. Смотрел Тхваргхел, лёжа на стопке честно заслуженных наградных ковриков. Говорят, кое-где в шо-ситайнской степи до сих пор разрешали незамиримые споры между соседями, а то и целыми кланами, устраивая Божий Суд – битву лучших собак. Кто вскормил сильнейшего кобеля, тот, стало быть, и достойнейший. С тем пребывает Правда Богов...

...И настал миг, когда Волку показалось, будто удача была всё-таки на его стороне. Поднявшись в очередной раз на дыбы, Старый начал словно бы подаваться, клониться назад. Зрители зашумели, и сердце Волка взлетело. Никак брал своё нерастраченный напор Молодого? Или у Старого притомились, начали разъезжаться дрожащие от напряжения задние лапы?..

Тёмно-серый пёс медленно запрокинулся...

Начал падать навзничь, уступая белому в чёрных тенях супротивнику...

...Но не упал. В последний миг извернулся – и прочно, как врытый, встал на все четыре сильные лапы. Когда он успел взять Молодого за меховой воротник, никто из зрителей не углядел. Однако – успел. И Молодой, рухнувший сверху, перелетел, перекатился через его спину, потеряв равновесие и извиваясь в воздухе, точно подброшенный кот.

– Во! – повторил Винойр восхищённо. – Вон оно где, наше кан-киро!..

Волк не услышал. Для его обострённого восприятия всё происходило медленно-медленно. Молодой ещё летел, растопыбив лапы и ловя пастью пустой воздух,

когда Старый рванул всей силой шеи (а шея была – поди обхвати), не позволяя сопернику должным образом обрести равновесие. Он очень хорошо знал, что творил. При всей своей ловкости зверя Молодой упал неуклюже, неудобно и тяжело – как раз на спину. И прежде чем он успел наново сообразить, где верх, где низ, и вскочить, Старый переменял хватку. Он сделал бросок – короткий, но столь стремительный, что даже для Волка седовато-серые лохмы на его боку слились в мутные полосы...

...И взял Молодого за глотку. Разинутой пастью – за самую гортань, так, что уже не могли помочь толстые оберегающие складки вокруг. И ещё прижал для верности лапой, не позволяя ни выкрутиться, ни дать хоть какой-то отпор.

Замершие зрители охнули, перевели дух, начали разговаривать. Не один и не двое помимо собственной воли потёрли ладонями горло. Какова хватка у матёрого кобеля, здесь хорошо представлял каждый.

В пальцах Мулинги рассыпался уголёк, рука метнулась за новым...

Передние лапы Молодого обхватывали, почти по-кошачьи царапали шею и грудь Старого, поверженный пёс свивался кольцом, пытаюсь отбросить, сбить с себя насевшего недруга... Всё вотще. Старый стоял над ним, как вырубленный из гранита. Стоял, намертво пригвоздив бьющегося противника. Это ты мне доказывал, что ты уже не щенок? Ну так получай, коли взрослый...

Волк смотрел на них, не отводя взгляда, оцепенев.

Молодой не закричал, не взвизгнул, даже не оскалился, показывая тем самым, что испугался и готов молить о пощаде. Просто его отчаянные рывки стали делаться всё медленнее и слабее. Волк чувствовал едва ли не наяву, как у него грохочет в ушах кровь, как этот грохот превращается в высокий, затихающий звон и вместе с ним смолкают все звуки, а солнечный мир начинает меркнуть и стремительно удаляться...

Непререкаемый бросил сыну свой жезл, и Младший Судья поймал его на лету. Подбежав к собакам, он стал бесстрашно просовывать деревянную лопаточку между стиснутыми зубами Старого. Тот косился на человека, но хватки не ослаблял. Не на шутку обеспокоенный хозяин Молодого бросился внутрь Круга и стал помогать судье, наплевав на опасность оказаться покусанным чужим псом.

Хозяин Старого, плохо знакомый с порядками на состязаниях, замешкался. Ему кричали, чтобы он тоже шёл разнимать кобелей, потом просто вытолкнули вперёд...

И тут случилось то, чего следовало ждать: придушенный Молодой обмочился. Жёлтая струйка беспомощно излилась, замарав белоснежный мех брюха. Старый презрительно фыркнул и выпустил его глотку. Мотнул головой, выплёвывая проникший в рот жезл судьи. Отряхнулся – и, не обращая внимания на посторонних, побежал к своему хозяину. Тот обнял любимца, начал трясущимися руками застёгивать на нём простой плетёный ошейник. Кажется, он плакал и обещал кобелю, что никогда, никогда больше не приведёт его в это скверное место.

– Нынче же уедем домой... – разобрал Волк. – Будешь, как прежде, по вольной степи наше стадо водить... сыновьями-внуками распорядиться... Щеняток новых учить... Аргмвли, внучка твоя, поди, без нас уже родила...

Пятнистая сука радостно повизгивала и знай умывала супругу морду, серебристую от густой седины. Кобель тыкался носом в мокрые щёки хозяина и всем своим видом показывал, что нисколько не сердится на него. И что вы, люди, вечно о чём не надо переживаете? Подумаешь, оттрепал дурачка, старших чтить не наученного. Тоже важность какая...

– Вот так, – задумчиво проговорил Винойр. – И победил пёс, а радости никакой.

Владелец Молодого сидел на земле, тормоша и глядя всё ещё неподвижного кобеля. Тому никакая особая опасность не угрожала – он не был ни ранен, ни даже сильно помят, и воздух, без помехи вливавшийся в лёгкие, быстро делал своё дело. Вот дыхание перестало сипеть и клокотать у него в горле, вот ровней заходили бока, вот он увидел и узнал склонившегося хозяина – дёрнулся пушистый обрубок хвоста, из пасти высунулся язык, лизнул знакомую руку... Человек поднялся и пошёл вон из Круга, и вывалянный в пыли Молодой поплёлся за ним. Хозяин на всякий случай придерживал его за загривок – торопясь на помощь питомцу, он в спешке оставил на земле поводок.

У самой черты Круга Молодой остановился и посмотрел назад. По другую сторону площадки стоял Старый. И тоже смотрел. Ну? Понял что-нибудь? говорил его взгляд.

Волка как молнией ударило. Ему показалось – этот взгляд был устремлён на него...

Венн всё ещё стоял столбом, пытаясь осмыслить случившееся, когда с той стороны Следа, что была обращена в сторону города, начал раздаваться истошный лай псов. У границы Круга уже стояли два очередных поединщика, но головы поневоле начали поворачиваться прочь. Оглянулся и Волк.

По дороге, извивавшейся между холмами, торопливо катилась повозка, запряжённая саврасым сегванским коньком. Кузов повозки представлял собой нечто вроде ящика, покрытого толстой грубой тканью. Нетяжёлый ящик сильно мотало, ткань хлестала и пузырилась. Рядом с возчиком на козлах сидел, подбоченившись, Ригномер Бойцовый Петух.

Псы поднимали щетину и бешено лаяли на повозку или на то, что в ней находилось. Похоже, запах, исходивший оттуда, весьма им не нравился. Саврасая лошадка закладывала уши и косилась: ей тоже отнюдь не по сердцу были стервеневшие псы и подавно – груз, который её принуждали везти. Возчик, однако, был опытный и коньку никакой возможности проявить своеволие не давал. Повозка катилась себе и катилась вперёд, прямо к Кругу. Люди расступались, давая дорогу. Оттаскивали хрипящих собак.

Когда повозка приблизилась, Тхваргхел поднялся со своих наградных ковриков и сделал шаг вперёд. Он не стал вздыбливать шерсть, потому что ему не было нужды казаться крупней. Он сразу угадал приблизившуюся опасность и без суеты заслонил собою хозяина. Ты к нему не подойдёшь! внятно говорил высоко и воинственно поднятый обрубок хвоста.

Тут у Волка пробежали по позвоночнику остренькие иголки холода. Должно быть, напряжение духа обострило его восприятие уже сверх всяких пределов, ибо он тоже со всей отчётливостью понял, что именно привёз с собой Ригномер. Вернее – КОГО.

Между тем проворный конёк приблизился к самому Кругу, возчик-сегван натянул вожжи, и Ригномер легко вскочил на козлы, возносясь над любопытной толпой. Несмотря на круглое брюшко, нажитое в трактирных застольях, он оставался ловок и быстр.

– Ну что, добрые люди? – разлетелся над Следом его голос, внятный и зычный, как у многих сегванов. – Думаете небось, Бойцовый Петух только и способен драть горло, кукарекая на заборе? Посмотрим теперь, кто из нас правду говорил, а кто брехал попусту!

Возчик тем временем обходил тележку кругом, отвязывая верёвки, удерживавшие ткань.

– Тащите сюда ваших куцехвостых, которых вы по ошибке называете волкодавами! – продолжал Ригномер. – Да покрепче держите, чтобы они с перепугу не разбежались! Ну-ка, смогут они что-нибудь сделать со зверем, которого привёз вам я?

Возчик стащил тяжёлую мешковину. Кузов повозки, оказывается, представлял собой клетку, да не деревянную, а железную. А в клетке был волк.

Где раздобыл его Ригномер? На каком-нибудь из своих островов, куда ещё не добрались ледяные великаны, размножившиеся на севере? Или на Берегу, возле края великих чащоб?.. Во всяком случае, пленник сегвана в самом деле мало напоминал поджарых и некрупных бродяг шо-ситайнских степей. Это был настоящий лесной вожак, всё ещё облачённый в серовато-белую зимнюю шубу. Он не бушевал, не бросался на прутья. Просто стоял, слегка наклонив крупную лобастую голову. И обводил столпившихся людей и собак немигающим взглядом жёлтых, косо поставленных глаз. Всякому суждено рано или поздно встретить свой конец. И не важно, где и когда это произойдёт. Важно – КАК...

Но тут глаза волка встретились с глазами молодого венна, подошедшего вплотную к повозке, и уши зверя впервые дрогнули, а сам он даже слегка подался вперёд. Брат?.. ощутил человек неуверенную, зыбкую мысль. Брат?..

– Эй, венн! – задорно проорал сверху Ригномер. Он, по обыкновению, постарался, чтобы слышали все. – А ты случаем не привёз сюда серого волкодава из тех, что разводят в ваших лесах?

Волку понадобилось усилие, чтобы отвести глаза от зверя, заключённого в клетку.

– В моём роду, – сказал он, – никогда не держали собак. На что нужны цепные рабы, когда с нами наши братья, вольные Лесные Охотники?

– Ага!.. – обрадовался Ригномер. – А я и забыл, что вы, венны, все числите себя звериными родственниками. Ну и на кого ты собираешься ставить, когда я сейчас выпущу своего красавца против вон того кобеля, что важничает рядом с главным судьёй? Слышал я, будто ему всё противников не находится. Так ведь, господин Непререкаемый? Не побрезгует твой пёсик выйти на моего волка? Или он теперь уже только меховым ковриком при тебе состоит?

Между тем на Тхваргхела было достаточно посмотреть только раз – и всякий, кто не знал, мог воочию убедиться, за что его прозвали Саблезубом. Он не лаял, не щерился (ибо то и другое могло быть истолковано как признак слабости и испуга), просто стоял – молча и неподвижно, внешне совершенно спокойно, но было видно, что, даже расслабленная, его верхняя губа не вполне прикрывала клыки и они торчали из-под неё чуть желтоватыми, как слонобая кость, кончиками. Горе тому, кого угораздит изведать их остроту!

А потом Тхваргхел заговорил. Нет, не словами, конечно. Он поднял голову и издал низкий, далеко раскатившийся звук, удивительным образом сочетающий в себе рычание и вой. Короткая и грозная песня заставила мгновенно умолкнуть всех других псов, разгавкавшихся было на волка. Когда разговаривают вожаки, всякой мелочи лучше не вмешиваться. Целей будет.

Волк же, которого мать в детстве прозвала Пятнышком за тёмную отметину посередине лба, – волк сразу распознал суровое предостережение и то, что обращено оно было именно к нему. И повернулся навстречу Тхваргхелу, отделённому от него прутьями клетки и считанными скачками через Круг. В отличие от Ригномера, для Пятнышка была вполне очевидна сокрушительная мощь противника-пса, отнюдь не только годившегося греть хозяйские ноги. Да, Саблезуб уже был немолод, но он по-прежнему ловил ядовитых змей, угрожавших внукам хозяина, и ни одна не успевала его укусить. И когда он вёл отары с летних пастбищ на зимние, одного звука его голоса, долетавшего издали, было достаточно, чтобы серые стаи, промышлявшие по степи, тихонько исчезали с дороги.

Да, Тхваргхел никогда ещё не встречал таких крупных и могучих волков. Если доведётся сражаться с ним, этот бой может стать последним. Но Саблезуб не думал об этом. Он был просто готов – как был готов всегда, всю свою жизнь...

Только Ригномер не понял намерений и поведения пса. То есть он, может, и понял бы, что к чему, если бы не успела затопить его разум хмельная молодецкая удаль, заставляющая во всём искать повод для драки, – то самое качество, которому он и был обязан прозвищем Бойцового Петуха.

– Ага! Стаю зовёт, напугался! Сейчас хвост подожмёт!.. – насмешливо указал он на Тхваргхела. – Ну что, венн? Тебе, звериному родичу, первая честь и первая ставка! Этот пёс, говорят, самый сильный здесь на Кругу, только на моего зверюшку и он боится в одиночку идти! Ну, загадывай, сколько ему таких же шавок в помощь понадобится, чтобы одному Истинному Зверю глотку перекусить? Две, три, девять для ровного счёта?.. На что об заклад биться будешь? А, венн?

Народ вокруг начал неодобрительно шуметь. Разошедшийся сегван желал нарушить само предназначение Круга, исстари служившего святому делу возвеличения пастушьей пёсией породы. Он собирался заменить благородные борцовские поединки кровавым зрелищем травли. Куда ж такое годится? На Кругу мерились силой, а не занимались смертоубийством без правил... А кроме того, можно один раз назвать степных волкодавов «куцехвостыми шавками», можно два или даже три раза – ничего, ветер развеет. Но не бесприменно же, когда рот открываешь! Тем, кто ценит и любит своих питомцев, это может в конце концов надоесть...

Вот только Бойцового Петуха уже, что называется, понесло, и остановить его иным доводом, кроме кулачного, было мудрено. И Волк это понял. Он далеко не первый день знал Ригномера.

Ещё не осознав, что именно совершает, он вплотную подошёл к клетке и положил руку на железные прутья:

– Ты столько раз взывал к имени моего народа, сегван, что я отвечу тебе так, как ответили бы в наших лесах. А у нас очень не любят, когда родичей травят собаками, Ригномер. И вот что я тебе скажу, Бойцовый Петух: надумаешь спустить стаю на этого зверя – переступи сперва через меня!

Он говорил не особенно громко, но люди стали кивать, одобрительно пересказывая и обсуждая между собою его слова. Молодой венн увидел это и услышал, потому что Наставник научил его даже в пылу ссоры и спора ничего не

упускать из виду. И, что важнее, он ощутил, как в его руку на прутьях клетки осторожно ткнулся мокрый приносящийся нос: Брат!.. Такое поведение волка не укрылось от внимательных тин-виленцев. Вместо того чтобы разом отхватить дерзкому человеку все пальцы, мохнатый пленник нюхал их, едва прикасаясь. Кто-то успел опрометчиво рассудить, что волк был ручной и знал венна. Таких зрителей поправили другие, истолковавшие вернее: венн вправду доводился волку своим, но не из-за приручения, а просто по крови. Узнанной и признанной ими обоими.

- А что ты себе думаешь! И переступлю!

Двое то ли слуг, то ли ближников Ригномера – возчик и ещё один, явившийся с клеткой, – немедля приблизились к венну и схватили его за плечи, пытаясь оттеснить прочь.

Волк не двинулся.

- Вели им убраться, – сказал он. – Это наш с тобой спор.

Народ тем временем подался в стороны, освобождая нечто вроде второго Круга, только поменьше. Тхваргхел же оглянулся на своего хозяина, потом величественно улёгся. Пускай эти глупые двуногие сперва разберутся между собой, говорил весь его вид. А потом, если не сумеют договориться, уступят место настоящим бойцам...

- Выкиньте отсюда этого мальчишку! – рявкнул Бойцовый Петух. – Наскучил!

Он мог бы уже заметить, что двоим рослым прислужникам никак не удавалось спихнуть Волка с места, но не заметил. Как и того, что Винойр даже не думал бросаться побратиму на помощь, – стоял себе да посмеивался, сложив на груди руки.

- Так-то ты, Ригномер, – укорили из толпы, – чтишь того, кому сам сулил первую честь и первую ставку!

- Взятся спорить – спорь до конца! – поддержали с другой стороны.

– Нам кричал, что у нас мужества не хватает, а сам на слуг дело переложил!.. – выкрикнули издалека, из-за спин.

А Волк не стал ничего говорить. Просто сделал некое движение, выверенное и короткое, о котором сторонний наблюдатель сказал бы «тряхнул плечами», не ведая, что удостоился лицезрения грозного боевого приёма, – и слуги, думавшие, что крепко держат парня, полетели на землю. Полетели неловко и неуклюже, да притом ещё умудрились крепко стукнуться лбами.

– Это наш с тобой спор! – ровным голосом повторил венн.

– Ах так?.. – Бойцовый Петух прыгнул с козел и обманчиво медленно, вразвалочку двинулся на Волка. – Да кто ты таков, чтобы я ещё с тобой спорил? Я таких, как ты, ногой с дороги отпихиваю...

И, противореча только что сказанному, дёрнул из ножен длинный сегванский меч. Народ, кто близко стоял, торопливо шарахнулся в стороны. Когда обнажают мечи – уноси ноги подальше!

Был бы Ригномер чуть менее распалён – и он вспомнил бы, что Волк полных три года прожил в крепости, а значит, навряд ли впустую ел хлеб, обучаясь у тамошнего Наставника. Вспомнил бы он и пересуды, ходившие в городе после каждого прибытия корабля из-за моря, то бишь после очередной потасовки в прибрежных харчевнях. Вспомнил бы и сообразил, что с Волком, носившим славу лучшего ученика, связываться стоило навряд ли...

Но – не вспомнил. И не сообразил. Это потом он обрушится на прислужников, отчего, мол, вовремя не остановили его, а те станут оправдываться – да когда ж, сами только-только поднимались с земли... Но это потом, а пока он неудержимо ринется на венна, замахиваясь мечом для нешуточного удара:

– Сказано, с дороги уйди...

Не далее чем к вечеру рассказ об этой сшибке, украшенный всеми подробностями, дойдёт до Наставника, и тот – не вслух, про себя, но давно знающие его сразу поймут – похвалит ученика. И всего пуще за сдержанность. Ибо тин-виленская Правда, весьма милосердно взиравшая на любителей почесать кулаки, вынувшего меч отнюдь не гладила по головке. Торговому

городу потребен на улицах мир. А какой мир, если мечами станут размахивать? Да потом ещё мстить и судиться за отсечённые руки и ноги?.. Потому-то, если человек, первым вздумавший в пылу ссоры рубить супротивника, тут же погибал или бывал искалечен, – любой тин-виленский судья выносил приговор, утверждавший, что забияка сгубил себя сам. За него воспрещалось мстить, за него даже не назначали выкуп, обычно выплачиваемый замирения ради...

Вот и получалось, что своим ударом Бойцовый Петух просто отдал себя на расправу. Бери и делай, что хочешь, всё равно никто не накажет.

То есть, конечно, – если сможешь.

Ну а Волк мог. Ой мог!..

Мог без большой натуги зарезать Ригномеру его же мечом, опрятно вынутым из руки. Этот приём был давно постигнут всеми справными учениками. Не выучен, но впитан исконным разумом суставов и сухожилий, тем самым, благодаря которому мы не падаем, болтая ногами на верхней жерди забора. Мог Волк переломать Бойцовому Петуху половину костей, а напоследок – или прямо сразу, на выбор, – свернуть голову. Мог ещё тридцатью тремя способами унижить его, покалечить, вовсе убить...

Не стал.

Волк выбрал совсем иной и, наверное, самый действенный способ в корне прекратить свару и притом добиться желаемого. Вот только, как это часто в подобных случаях почему-то бывает, оказался этот способ наиболее трудным для него самого. «Что же, вот заодно новое умение и испытаем...» Мелькнувшая мысль пришлась очень некстати, и Волк сразу выдворил её из сознания, взамен призвав этакое удалое равнодушие: да какая разница, получится или не получится и что скажет народ?! По большому-то счёту никакой разницы нет...

Быть может, Наставник, случись он здесь, кивнул бы ему с одобрением. А может, наоборот, попенял бы за увлечение внешней стороной дела, – ведь в случае удачи Волк именно отклик стоявших вокруг собирался использовать к своей выгоде.

Это, впрочем, тоже никакого значения не имело...

...На самом деле рассуждения Волка длились долю мгновения, пока совершался удар. А если уже с полной скрупулёзностью придерживаться истины – он и не рассуждал вовсе, ибо тому, кто принимается рассуждать под занесённым мечом, приходит очень быстрая смерть.

Волк просто – действительно просто, если уметь, – вошёл в движение Ригномера и чуть продолжил его, а потом...

Потом его пальцы обхватили острый, хорошо отточенный клинок и сомкнулись на нём. Нет, Волк не ловил вражеское лезвие между сомкнутыми ладонями, что тоже иногда делают; он взял его, как берут палку, и удержал; и Бойцовый Петух с изумлением обнаружил, что не может не только ударить, но даже и просто высвободить меч. Сегван стоял в нелепой, некрасивой позе незавершённого движения. И с большим трудом удерживал равновесие. Чтобы заново его обрести, надо было выпустить рукоять. А этого Ригномер, ясное дело, позволить себе не мог.

Его гневный запал не то чтобы испарился, но стал отчётливо бессильным. Он попробовал выдернуть у Волка клинок. Ничего не получилось: проклятый мальчишка держал крепко. И его пальцы почему-то не падали отрезанными в траву. Даже крови не было видно. И, не в силах уразуметь, что же случилось и как вообще может такое быть, Ригномер ляпнул первое, что явилось на ум:

– Пусти! Отдай меч!

Ляпнул и сам ощутил, до какой степени глупо это прозвучало. Народ, стоявший кругом, начал смеяться. И, кажется, первыми и всех громче захохотали корабельщики-арранты, пришедшие посмотреть собачьи бои, которыми далеко славилась Тин-Вилена.

Аррантам нравится считать свой народ самым разумным и просвещённым на свете. Во всяком случае, они немало преуспели, убеждая в том ближние и дальние племена. Оттого кое-кто (обыкновенно – сам не имевший с ними особого дела) даже склонен полагать слово «аррант» едва ли не близнецом слову «учёный». Так вот, посмотрел бы этот кое-кто на смеющихся мореходов, на их загорелые, отчаянные, щербатые рожи, сияющие предвкушением бесплатного зрелища! Волку почудились знакомые голоса, он покосился... Точно! Корабельщики были те самые, с которыми судьба свела его в ночном переулке.

Они тоже узнали Волка и принялись подбадривать его:

- Молодец, паренёк!

- Так его, забияку!

- Чтоб знал!..

Ригномер налился багровой кровью и, поскольку терять было уже нечего, повторил:

- Отдай меч!

- Отдать не отдам, – усмехнулся Волк, – а вот выменять соглашусь.

Зрители захохотали пуще. Бойцового же Петуха от безвыходности положения осенила редкостная сообразительность, и он зарычал сквозь сжатые зубы:

- Да забирай своего блохастого родственничка!.. Не больно-то был и нужен!..

«Почему?..»

Он сидел в углу чисто подметённого двора. Сидел в позе сосредоточения – ягодицы на пятках, спина выпрямлена, руки на бёдрах. Когда-то подобное положение тела казалось ему страшно неудобным, даже мучительным. Особенно если приходилось сидеть таким образом сколько-нибудь долго. И он знал людей, которым поза сосредоточения представлялась вдобавок унижительной, а потому они избегали её как могли. Что, мол, ещё такое – на коленях стоять! А потом на них же всяко-разно вертеться, протирая оземь штаны!..

У него тоже от сидения на пятках с непривычки поначалу глаза лезли на лоб. Однако его народ не видел особого толку в пустых жалобах, и особенно в жалобах на ремесло, которым взялся овладеть. «Не получается? – сказала бы его мать, Отрада Волчица, если бы могла в те дни видеть сына. – Значит, мало

старался...»

И была бы права, ибо не бывает ремесла, злонамеренно не дающегося в руки. Ежели не даётся – значит, руки дырявые. И он трудился над позой сосредоточения с угрюмым упорством, которое тогда же в нём проявилось. Много с тех пор в нём проявилось такого, чего прежде не усматривали добрые люди... Такого, чего он даже сам в себе не подозревал.

«Почему все предали меня? За что?..»

Перед ним, утверждённая на песке, стояла большая чаша с водой.

Он сидел в том углу дворика, где смыкались стенками две клетки, построенные в разные годы. Старые, местами потрескавшиеся, отбеленные и посеребрённые временем брёвна сходились с новыми, хранящими запах смолы. Он садился именно так, лицом в пустой угол, когда в самом деле стремился чего-то достичь и не хотел, чтобы тень чужого движения или даже игра света на листьях нарушали с трудом достигнутое сосредоточение. Он привык, и чаще всего у него получалось. Но сегодня – ни в какую. Вот Винойр и Шабрак, отец Мулинги, покинули дом и на цыпочках прошли к калитке у него за спиной. Они очень старались не помешать ему, но, конечно, помешали и разозлили вдобавок. Когда что-то не получалось, это всегда по-мальчишески злило его и тянуло сорвать злобу на ком-нибудь постороннем, объявив именно его виновником неудачи.

Это было недостойно, и, повзрослев, он не давал себе воли. Но оттого, что он не пускал раздражение наружу, оно ведь не исчезало...

Он был готов к тому, что вот сейчас Шабрак, выйдя за калитку и оттого вообразив, будто во дворе сделался не слышен его голос, тронет шо-ситайнца за руку и шёпотом спросит: «Что, не получается у него?» И Винойр, пожав плечами, ответит: «Сам видишь. Не получается...»

Какое уж тут сосредоточение!.. Он поймал себя на том, что мучительно вслушивается, разгораясь ещё не нанесённой обидой. Но хозяин дома и его гость ушли молча, не пожелав обсуждать его очередную неудачу.

Ибо это была неудача.

Очередная.

Когда они возвращались со Следа, вдвоём с Винойром катя тележку и клетку на ней – ибо лошадку свою Ригномер, конечно же, выпряг, – Мулинга пошла рядом с ним, Волком. «Много успела нарисовать?» – спросил он её, просто чтобы что-то сказать. Ведь теперь, с уговорённым отъездом Винойра, девушка как бы оставалась ему – ухаживай, сватайся, проси бус, никто не помеха. Мулинга принялась рассказывать, даже показывать руками родившийся у неё замысел: серебристый зверь на тележке – и против него Тхваргхел; благородные, величественные враги. Она говорила, но Волк только впитывал её голос, не размениваясь на слова и любясь, как играет в её волосах солнце. Может, однажды он будет целовать эти волосы, когда...

Мулинга что-то поняла и вздохнула: «Я буду скучать по тебе, Волк. Ты стал мне как брат...» Он безмолвно смотрел на неё, чувствуя, как переворачивается вверх дном весь его мир. Как так, чуть не спросил он напрямик, ведь это Винойр уезжает, а я остаюсь? Здесь, с тобой?..

«У моего отца не так хорошо идут здесь дела, как он когда-то надеялся, – сказала она. – Батюшка думал, что после нашей свадьбы с Винойром у него будет помощник. Но раз уж Винойру всё равно выпало уезжать, мы и подумали – почему бы нам всем вместе не вернуться за море?»

Колёса повозки размеренно поскрипывали. Зверь, сидевший внутри, внимательно и насторожённо смотрел на людей, переводил взгляд с одного лица на другое, принюхивался к рукам.

«Уж ты прости, побратим. – Винойр весело щурил топазовые глаза и, похоже, совсем не чувствовал себя виноватым. – Я сам узнал только вчера...»

Волк пожал плечами и удивился откуда-то со стороны, как удалась ему почти настоящая невозмутимость.

«На что ж тут сердиться? – И приговорил, как было в обычае у его племени: – Совет да любовь...»

Не верилось, что этот разговор происходил неполных полдня назад, нынешним утром. И вот теперь, вечером, он сидел в углу двора, откуда скоро уедет

Мулинга и с нею Винойр, и пытался достигнуть сосредоточения.

И, естественно, терпел неудачу.

То, что он собирался совершить, было на самом деле сродни стрельбе из лука на состязаниях в святой день Рождения Мира. Там тоже чувствуешь, попадёт ли стрела в цель, едва ли не прежде, чем пальцы разомкнутся на тетиве.

Вот и он чувствовал, что сегодня уже ничего не достигнет.

Из-за забора прокричал петух. По улице с гомоном пронеслась стайка детей...
Всё мешало. Всё раздражало его.

Он сделал усилие, отстраняясь от внешнего, и снова стал смотреть на чашу с водой. На глиняный край села муха и поползла по нему, ища съедобных остатков.

Он чувствовал, что готов был возненавидеть дело, которое – странно даже вспомнить – некогда так его увлекло...

Ему рассказывали, как Наставник когда-то проверял себя перед решительной схваткой. Он гасил огонь. Пламя, точно задутое, срывалось со свечного фитилька, повинувшись истечению силы, струившейся вперёд из его раскрытой ладони. Но это, по мнению Наставника, ещё далеко не было мастерством. Любой сколько-нибудь умелый воин на такое способен. Вот когда у него отпала нужда в сугубом движении рук, а свеча стала не то что гаснуть – вообще со стола слетать просто от взгляда и внутреннего напряжения тела, вот тогда только Наставник сказал себе: Я готов.

И не ошибся...

Волк понял с самого начала своего обучения: ему тоже понадобится такая проверка. И ещё он понял, что она должна быть совершенно иной, нежели та, которую выбрал Наставник. «Он – Волкодав, а я – Волк, – сказал себе в те дни самоуверенный девятнадцатилетний юнец. – Он воспользовался огнём, а я возьму воду...»

На самом деле кан-киро зиждется на подражании. Ученик повторяет движения учителя, постепенно постигая их смысл, и другого пути не придумано. Даже простого приёма не выучишь ни по самым добросовестным описаниям, ни рассматривая картинки вроде тех, что рисует Мулинга. Но это приёмы, а ведь кан-киро – гораздо больше, чем набор ухваток и увёрток, позволяющих сокрушить напавшего на тебя наглеца! Гораздо, гораздо больше... И оттого первейшая истина, внушаемая всякому новому ученику, гласит: Смотри на учителя. Подражай ему. Не требуй объяснений, ибо слова вмещают не всё. Просто подражай...

Но для Волка подражать значило любить. Подражать – значит стремиться стать таким же, как тот, кому подражаешь. А можно ли хотеть уподобиться тому, кого ненавидишь? Или, скажем иначе, тому, кого долг обязывает ненавидеть? Тому, кого поклялся убить?

«Я найду брата, мама. Я разузнаю о его судьбе. И, если его уже нет в живых, – я за него отомщу...»

Вот потому-то и был Волк самым молчаливым и замкнутым среди учеников, потому-то, может, и Мулинга выбрала не его, а смешливого красавца Винойра, – хотя кан-киро Винойра не шло ни в какое сравнение с тем, которого достиг Волк. У Винойра тоже лежало в заплечном мешке немалое горе. Как-никак, он навсегда оставил родные шатры ради замирения с племенем старинных врагов. Но ему не приходилось полных три года разрываться между ненавистью и любовью. Ненавистью, которую Волк, соблюдая данный обет, силился вызвать в себе... и не мог. И любовью, которую отчаянно пытался не допустить в своё сердце.

Ни с кем не посоветовавшись, он ещё в самом начале обучения купил на базаре большую глиняную чашу, покрытую изнутри блестящей белой глазурью. Чаша привлекла его простым совершенством формы, и, присмотревшись, он уже не мог оторвать от неё взгляда. Подобных ей никогда не делали у него дома, и помнится, в нём тотчас заговорила присущая любому венну осторожность, – если мои пращурьы такого не ведали, то гоже ли мне?.. Он даже ушёл прочь от прилавка, заставленного мисами, жаровенками и горшками. Но потом, поразмыслив, сказал себе, что и сам оказался от дома весьма далеко, где отнюдь не бывал ни один его предок, да ещё и взялся обучаться кан-киро, о коем достопочтенные пращурьы, что называется, слыхом не слыхивали. И Волк поддался другому внутреннему голосу, уверенно говорившему: это его вещь, он

полюбит её, будет радоваться ей. «Так-то оно так, – всё же подумал венн, приученный к бережливости и к тому, что ни единый предмет не покупается просто ради красоты, а только для пользы. – Но что же я буду с ней делать?»

И вот тогда-то его и осенила мысль о воде.

Он поспешно вернулся к лотку горшечника и очень обрадовался, увидев, что чашу ещё никто не забрал. Щёлкнул по краю ногтем, с удовольствием послушал высокий чистый звон и спросил девушку, стоявшую за прилавком: «Сколько стоит такая миса, красавица?» – «Четверть барашка серебром», – отвечала Мулинга. Он не торгуясь выложил деньги. Потом принёс девушке кулёчек сладостей и маленький нож, показавшийся ему похожим на веннский...

Три года с тех пор он испытывал себя над этой чашей, проверяя свою готовность убить человека, которого не разрешал себе полюбить.

И у него ничего не получалось.

А Мулинга в итоге выбрала другого...

А ведь кан-киро некогда даровала миру Богиня Кан, называемая Любовью... Даровала во утверждение Своей власти – ибо ведала эта Богиня не только радостными утехами женщин и мужчин, как аррантская Прекраснейшая, но вообще всякой теплотой в людских проявлениях. Любовью родителей и детей. Милосердием ко врагу... Отношениями ученика и учителя...

Между прочим, добрые люди уже передали Волку, что говорил о нём Наставник несколько дней назад в корчме у Айр-Донна. «Жалко мне его, – будто бы сказал Волкодав. – Самого главного в кан-киро он так и не понял. И, видать, уже не поймёт...»

Волк раскрыл ладонь, занёс руку – так, словно собирался таранным ударом высадить, самое меньшее, городские ворота, – и движением, в котором знаток усмотрел бы тот самый удар, только невероятно замедленный, поднёс к чаше устремлённую руку...

Поверхность воды, на которую успели осесть какие-то пылинки, даже не шелохнулась. Волк не стал себя обманывать. Лёгкую рябь вызвало дуновение ветерка. А вовсе не его движение, исполненное, как ему казалось по глупости, невероятной внутренней силы.

«Чего же я не понимаю? – мучительно забилося в душе. – Чего? Дай ответ, Богиня Любовь...»

Нет, поистине не следует смертным то и дело тревожить Богов, испрашивая предвидения и совета. Он ведь уже молился сегодня, вопрошая об исходе неизбежного поединка с Наставником. И получил ответ: жёлтое пятно мочи под брюхом полузадушенного Молодого. Может, именно потому что-то дрогнуло в сердце, когда он заносил руку над чашей: он был заранее уверен, что проиграет свой бой... как и в том, что с водой у него опять ничего не получится. Не вскипит она белым ключом от неосязаемого прикосновения его силы, не выплеснется наземь, послушно и радостно подтверждая его мастерство...

Вот и не получилось.

А просьба о вразумлении, обращённая к Богине Кан, породила одну-единственную мысль, да и то не имевшую никакого отношения к его цели.

Священным символом Богини была вода, удерживаемая и подносимая на ладонях милосердия и любви. Кто-то видел в ней слёзы, пролитые над несовершенством и жестокостью мира. Кто-то – священную росу для омовения и очищения страдающей, заблудшей души. Кто-то – горсть воды, припасть жаждущими устами...

Почему-то Волк никогда раньше не вспоминал этот символ, когда смотрел в свою чашу. И то сказать, у него здесь была совсем иная вода. Она отражала солнце, садившееся в облака, и казалась красной от крови. Такой водицей набело не умоешься – лишь осквернишься. И жажду не утолишь.

«Чего же я не понимаю? Чего?..»

Над Тин-Виленой ещё догорал вечер, а в северной части океана, который шоситайнцы называли Восточным, арранты – Срединным, Краинным или просто Великим, а нарлаки – Западным, стояла уже глубокая ночь. Сторожевые тучи исполинского шторма проходили южнее, и над мачтой «косатки» неслись лишь изорванные ветром клочки и лоскутья, за которыми не могли надолго укрыться путеводные звёзды. На закате в облаках шёл бой, там рубились и пировали герои. Теперь в вышине скользили бесплотные привидения: души, не заслужившие честного посмертия, безрадостно уносились в пасмурные владения Хёгга. Полная луна то пряталась за ними, то вновь принималась плавить в океане чернёное серебро. Свет был до того ярок, что глаз без труда различал цвета, а парус отбрасывал на корабельные скамьи и спавших под ними людей непроглядную тень.

Ветер дул спокойно и ровно, и на всей «косатке» бодрствовали только два человека: зоркоглазый Рысь у руля – да кунс Винитар, лежавший под меховым одеялом на своём месте, на самом носу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Взысканной, взыскивать – здесь: оказывать высшую степень милости и расположения (либо гнева).

2

Браное – вытканное по старинному способу, с рельефными узорами, образованными переплетением нитей.

3

Зоркого, зоркий – ясный, прозрачный.

4

Уноты, унот – юноша, ученик.

5

Баснь – повествование о волшебном и небывалом. Теперь мы говорим «сказка», хотя раньше так именовался строгий и реалистичный отчёт.

6

Урочище – часть местности, достаточно резко отличающаяся по своим природным характеристикам от всего, что вокруг. «Ландшафтная единица», как принято теперь говорить.

7

Охотник – здесь это слово использовано в его старинном значении: «знаток и любитель».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-semyonova/znamenie-puti>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)